

В. О. Ронин
СОКРОВИЩА БУССЕНАРА
(авантюрный
конспирологическо-литературов
едческий детектив)

Слова благодарности

Хочу выразить безграничную признательность Елене Трепетовой, удивительной женщине, вдумчивой исследовательнице, замечательному поэту, ведущему буссенароведу России (а то и всего земного шара), за неоценимую помощь в работе над книгой.

Без её ценных советов, дельных рекомендаций, эксклюзивной информации и переводов с французского языка этот роман вряд ли был бы написан. Низкий поклон и огромное спасибо!

Посвящение

Прошедшим все части Tomb Raider и Uncharted

Предуведомление

Все события, кроме фактов биографии классика приключенческой литературы Луи Буссенара, являются плодом авторского воображения.

Вместо эпиграфа

Рецепт конспирологического триллера от Брэйна Дауна:

Герою — молодому интеллектуалу, историку или

журналисту, — попадает в руки некий таинственный документ... И на героя сразу же начинают сыпаться неприятности... Он долго не верит, что находится в опасности... Когда вокруг него все загадочно умирают, то наконец он верит... Он бежит, его преследуют... Вероятно, какая-нибудь изуверская секта. Чем более изуверская, тем лучше... Герой понимает, что в документе заключена страшная тайна... От этой тайны зависит будущее человечества... Итак, герой посвящает свою жизнь разгадке тайны... Он посещает музеи, библиотеки, встречается с разными специалистами, докторами наук, они читают ему лекции... Итак, что же делает наш герой-интеллектуал?... Бегая, прыгая, вися над пропастью на одной руке и отстреливаясь, попутно он изучает труды Модзалевского, Лотмана, Эрлихмана... ну, и прочих там; находит в них всякие неувязки, совершает литературные открытия... Дальше, натурально, обводит преследователей вокруг пальца и спасает...

Главные герои должны составить пару. Два разных характера... Героев должно быть два: герой и героиня. Она — профессор, пушкиновед, молода, красива, загадочна, владеет каратэ... Они сперва, как водится, друг другу терпеть не могут, но потом проводят вместе ночь, влюбляются...

...Дальше они бегут от этой изуверской секты уже вместе... Ну-с, что еще? Разумеется, весь текст должен быть пронизан цитатами и реминисценциями...

(Брэйв Даун, «Код Онегина»)

Пролог

Середина 80-ых годов прошлого столетия,
Где-то в жёлтой жаркой Африке

...В центральной её части,
Как-то вдруг вне графика
Случилось несчастье...

Русская речь на экваторе, в самом сердце континента коротких теней, — явление само по себе не вполне заурядное. А уж песня Владимира Семёновича, распеваемая во всеуслышание посреди кишашей крокодилами и бегемотами мутной реки, и вовсе — диковинная невидаль (вернее, неслыхаль).

Нтуту, полуобнаженный гребец с кожей цвета продукции кондитерской фабрики «Красный Октябрь», неодобрительно покосился на голосащего пассажира, обреченно вздохнул, налёг на весло. Горький опыт общения с мзунгу показал: спорить с ним бесполезно. Мало того, не послушает, так ещё и подпевать заставит. Как вон давеча. Вместо того чтобы спокойно спать после

трудного перехода, они вчера полночи соревновались в громогласности с гиенами и павианами. Мзунгу всё старался приобщить Нтуту к песенным традициям своей далекой родины, где, поговаривают, с неба падает холодный пух. Едва ли не до рассвета они драли глотки, стараясь как можно протяжнее вывести странные слова: «Ой, *моро, моро* ». Что за «*моро* » такой?... Чудной он, этот мзунгу. Одно слово: кируси.

А вокалист-любитель не унимался. Забыв слова очередного куплета, вновь затянул волынку с самого начала. Да ещё натужно хрипит, точно симба, видимо пытаюсь подражать автору композиции:

— В жёлтой жаркой Африке, в центральной её части, как-то вдруг вне графика случилось несчастье...

Сглазил! Накликал!! Накаркал!!!

Трагедию! Горе!! Беду!!!

Только спел про несчастье, и на тебе — получите, распишитесь. Доставка, что называется, бесплатно.

Огромный кибoko-бегемот, словно вражеская торпеда, атаковал лёгкую лодку.

Бабах!!!

Утлый чёлн перевернулся — Нтуту и мзунгу кубарем полетели в воду.

С берега, как по команде «фас», в реку

кинулись мамба-крокодилы. Да что крокодилы... Их ли следует сейчас бояться? В африканских водоёмах нет страшнее зверя, чем кибоко! Не затопчет, так загрызёт. Вон у него клыки какие — как сабли. Вмиг располовинит!

Милые пухлыши, питающиеся исключительно травой и булками — это лишь в детских книжках да мультиках. В жизни — гиппопотам страшно агрессивный и яростный зверь. Иной раз вступает в схватку даже с носорогами! И питается далеко не одной только травкой. Но и мясом порою не брезгует. Та же свинья, только габаритами покрупнее...

Речной гигант — метров пять в длину, не меньше! — боднул перевернувшуюся лодку, громко не то рыкнул, не то фыркнул, не то всхрюкнул. Затем распахнул утыканную устрашающего вида и размера зубами пасть и с легкостью перекусил суденышко, точно оно было сделано из картона, а не выдолблено из целикового дерева.

— К берегу! — не своим от ужаса голосом просипел Нтуту, и подал белому пример — заработал длинными мускулистыми руками, словно механическими лопастями.

Кируси замешкался. Одежда, набрав воды, сковывала движения, мешала грести, тащила на дно. Хорошо Нтуту: босой, по пояс голый, лишь в

коротких лёгких штанах — раз-раз, и уже на берегу. Выскочил и ну кричать:

— На помощь! Мсаада! Хэлп!

Да кому ж спасать-то, когда ближайшее селение находится в дне пути от места трагедии.

Но видно есть на свете Бог, хоть соотечественники кируси на государственном уровне отрицают его бытие. Из прибрежных зарослей выскочил человек в камуфляжном костюме и похожем на шляпку шампиньона-переростка пробковом шлеме. Тоже мзунгу. Но не кируси — мфранса.

— Monsieur, tenez! — крикнул он. — Je vais!

В руках француз сжимал длинный шест. Резким движением незнакомец переломил жердину, схватил получившиеся половинки, так, чтобы заостренные концы смотрели в разные стороны, и смело ринулся в воду.

Надо признать, вовремя. Ибо разделавшись с лодкой, «речной конь» переключился на пассажира. Угрожающе зарычал, хлопнул пастью. Хорошо не достал, лишь обдал мириадами брызг.

Русский не сдавался. Изловчился, упёрся ногой в огромную, что валун, голову гиганта, собрал остатки сил, оттолкнулся. Выиграл метр с небольшим и пару секунд. Маловато. Всё одно не успеть — до берега ещё далеко. А чудовище вот оно — рядом. Один бросок, один щелчок огромной,

что крышка дорожного чемодана, пасти — и всё, финита!

Ан нет, не финита. Только бегемот опять раззявил ужасающего размера варежку, — любитель песен Высоцкого словно в утыканную сталагмитами пещеру заглянул, — откуда ни возмись, появился отважный француз с зажатými в руках обломками шеста. Раз! — и в тот самый момент, когда кривые желтоватые клыки готовы были сомкнуться над плечами русского, бесстрашный галл вертикально, между языком и нёбом, вколотил острые палки в глотку толстокожего монстра. Что называется, загнал по самые гланды! Зверюга дико взвыл и, взметнув в воздух облако водяной пыли, камнем — не камнем, скалою! — пошёл на дно.

Воспользовавшись моментом, европейцы поспешили к берегу. Уже через пару минут спасенный горячо благодарил спасителя.

— Асанте, — по привычке, на африканский манер, произнес он. Затем спохватился, перешёл с суахили на язык Флобера и Дюма. — Большое спасибо! — Протянул французю жилистую руку, представился: — Михаил Тарасов, советский тележурналист.

— Франсуа Робер, французский авантюрист, — сверкнул белозубой улыбкой собеседник.

Тарасов усмехнулся:

— Африка, экватор, тропики. Нападение ужасного монстра и шевалье без страха и упрека в роли спасителя. Прямо роман Луи Буссенара!

«Французский авантюрист» удивленно присвистнул:

— О-ля-ля! Вы знаете Буссенара?

— Конечно. У нас в Союзе каждый школьник его знает.

— Не может быть! — выпучил глаза Робер. — Русские школьники читают книги Буссенара?!

— А кому как не школьникам их читать? — в свою очередь удивился русский. — «Похитители бриллиантов» и «Капитан Сорвиголова» — любимое чтиво наших мальчишек. Наряду с произведениями Верна и Дюма... Да что далеко ходить за примером. Я сам, будучи зелёным пацаном, не одну ночь провел под одеялом с фонариком. Всё Буссенара читал. Скажу вам честно, через его книги я и «заболел» Чёрным континентом, вот — в африканисты подался. Захотел воочию увидеть всё то, о чём читал в детстве в романах мсье Луи. — Усмехнулся, выливая из ботинка бурую жижу. — Вот и увидал.

— Ого! — воскликнул француз. — Да мы с вами, если так можно выразиться, «товарищи по несчастью»! Я ведь тоже из породы, ха-ха-ха, «укушенных Буссенаром». До дыр зачитал все его

романы. И вот я здесь — в самом центре тропической Африки. Да еще в компании русского поклонника творчества моего любимого писателя. И впрямь — поистине буссенаровский сюжет!.. — Внезапно улыбка исчезла с лица жизнерадостного француза. — Вот только дела у старины Буссенара на Родине идут не так блестяще, как в у вас в России. Наши школьники о нём и не догадываются.

— Как такое возможно? — спросил Тарасов.

— Очень просто. Увы, но сегодня книги Буссенара во Франции не издают! Последний раз произведения романиста печатали в пятидесятых. Я сам тогда ещё был школяром... Можете мне поверить. Я с детства собираю книги Буссенара. В моей коллекции есть всё: от первых публикаций на страницах «Журнала путешествий» и дорогущих фолиантов издательства «Марпон и Фламарион», до дешёвых неиллюстрированных томиков Талландье. А вот современных изданий у меня нет. Спросите: почему? Я вам отвечу. Да потому, что их попросту не существует в природе!

— Хм. Ни за что бы не поверил, когда б узнал от кого другого, — хмыкнул русский. — Надо же, Буссенара — и не печатают во Франции! — Тарасов снял мокрую рубаху, хорошенько отжал, расстелил на траве. Кивнул в сторону реки, едва не ставшей местом его упокоения: — А здорово вы *гипнопота* поддомкратили.

— Кого-кого? — не понял Робер.

— Не обращайтесь внимания, — отмахнулся журналист. — Лингвистическая шутка, понятная лишь славянам... Я говорю, здорово вы управились с бегемотом.

— О да, — кивнул Робер. — Кстати, по методу всё того же Луи Буссенара! Похожий способ охоты — правда, не на гиппопотамов, а на крокодилов — описан в его романах: «Кругосветное путешествие парижского гамена» и «Необыкновенные приключения синего человека».

— У нас, к сожалению, эти книги тоже не переиздают, — в свою очередь посетовал русский. — Я читал их ещё в старых, дореволюционных, переводах. С ятями да фитами. Специально для этого даже в Салтыковку записался.

— Куда?

— В публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина. Между прочим, одна из крупнейших библиотек мира.

— Да вы, мой друг, настоящий буссенарофил! — расхохотался француз.

— Это точно, — прыснул Тарасов. Затем посерьёзней, вновь протянул спасителю руку: — Теперь я ваш должник, Франсуа. Как говорят у нас в России: по гроб жизни обязан.

— Хорошо, — улыбнулся Робер. Озорно

подмигнул русскому: — Буду знать. Вдруг пригодится.

Тогда французский авантюрист и библиофил в одном флаконе и не догадывался, что помощь внезапно обрётённого на экваторе друга из далекой заснеженной России действительно ему пригодится. Без малого через тридцать лет...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ФРАНЦИЯ

1

Без улик

*2016, 21 мая, 17 часов 26 минут 38 секунд
XVI округ, Париж, Франция*

Всё было как в третьесортной трэшовой киношке: заляпанная кирпично-бурым осадком чугунная ванная, брезгливо зажавший нос лысоватый полицейский инспектор и мирно похрустывающий свежим багетом толстоватый судмедэкспорт.

— Ну и вонища, — прогундосил инспектор.

— А то, — с умным видом кивнул медэксперт. — Адская похлебка, это тебе не луковый суп. Источает миазмы, а не амбре.

— Адская похлебка?

— Ну да. Рецептик продиктовать? — лукаво прищурился поедатель багета. — Записывай. На 80 килограмм фарша примерно литров сто серной или азотной кислоты. Смесь с соляной приветствуется. Фарш вываливаем в ванную, заливаем кислотой. Желательно всё это хорошенько подогреть, перемешать, пробулькать кислородом. Также можно использовать хромовую смесь — раствор дихромата калия в серной кислоте.

— А это ещё зачем?

— Чтобы волосы, ногти, кости и зубы уж точно растворились без остатка... Ну, чтобы улики не осталось. Как говорится: нету тела — нет и дела. Принцип «corpus delicti».

Инспектор весьма неуклюже попытался изобразить задумчивый вид. Для пущей убедительности почесал верхней губой кончик длинного носа.

— То есть ты хочешь сказать...

— Да, — не дожидаясь постановки вопроса, ответил пузатый эксперт, — мне думается, нашего профессора слили.

— В смысле? — Лицо медленно соображающего полицейского вытянулось от удивления, стало похоже на мяч для игры в регби.

— В прямом. В канализацию.

— Это как? — отказывался врубаться в суть

проблемы инспектор-тугодум.

— Ну, здесь есть варианты, — продолжал издеваться над коллегой бурдюкоподобный поклонник чёрного юмора. — Можно как «Лондонский вампир» Джон Хэйг вычерпывать «адскую похлебку» ковшом. Но тогда потребуется противогаз, чтобы не обжечь легкие токсичными испарениями. А можно воспользоваться законом сообщающихся сосудов и...

— Да ну тебя! — рявкнул полицейский (наконец-то до него дошло), и, сдерживая рвотные позывы, с шумом вывалился из ванной комнаты.

Медэксперт ухмыльнулся и аппетитно хрустнул багетом. Затем близоруко прищурился, присмотрелся. С трудом втянув безразмерный живот, наклонился, внимательно изучил кафельный пол под ванной.

— Так-так-так, — пробормотал любитель ароматного хлеба и дурно пахнущих шуток. Спрятал остатки багета в бумажный пакет, натянул латексные перчатки, нацепил на нос очки, вооружился пинцетом. Немного поковырявшись, подцепил с пола прядь заляпанных чем-то вроде закисшего кетчупа седых волос, поднёс к самому носу. Покрутил, повертел, понюхал — разве что не лизнул. Весьма довольный собой широко улыбнулся:

— С этим уже можно работать.

Спрятав находку в специальный пакетик, эксперт включил фонарик на сотовом телефоне, осветил в сток ванны.

— Есть контакт! — обрадовался толстяк. Вновь воспользовался пинцетом, выудил из тёмного чугунного зева маленькую то ли песчинку, то ли соринку. Внимательно изучил, растянул пухлые губы в улыбке: — Если я правильно понимаю, остатки зубной пломбы. — Эксперт подмигнул своему отражению в зеркале, наставительно рёк: — Как говорил мой многомудрый учитель, мэтр Роше, преступлений без следов не бывает.

Насладиться триумфом наблюдательному ученику многомудрого мэтра Роше помешал давешний инспектор. Крикнул из комнаты:

— Эй, Фульк, иди сюда. Мы нашли кое-что интересное.

2

Тайные знаки

17 часов 32 минуты 54 секунды

— Ну, и что тут у вас?

— А ты сам взгляни, — ехидно прищурился лысоватый инспектор, широким жестом приглашая

Фулька в заставленную книжными шкафами комнату. — Попробуй, отыщи. Яви свою хвалённую наблюдательность.

Судмедэксперт снял очки, протёр стекла клетчатым платком, вновь водрузил оптический прибор на мясистый нос. Окинул комнату пристальным взором.

Да, не зря он величал пропавшего хозяина квартиры «профессором». Всюду книги, книги и ещё раз книги. Книги в шкафах, книги на шкафах, книги под шкафами. Также на тумбочке, столе, стуле, пуфике, и даже на подоконнике. Плотности книжных рядов позавидует и Национальная Библиотека. Фарфоровые зубы в образцово-показательной челюсти какой-нибудь голливудской звезды расположены куда как реже.

Фульк осмотрел комнату сперва слева направо, затем справа налево, потом сверху вниз, и в заключение — снизу вверх. Вроде бы ничего странного. Если не считать, что один шкаф абсолютно пуст. И это при таком-то количестве книг.

— И что я здесь должен заметить? — спросил Фульк у коварно ухмыляющегося полицейского. — Подозрительно пустой шкаф?

— Ну, это бы и слепой узрел, — хмыкнул инспектор. — Смотри внимательнее.

Фульк вздохнул, прищурился, ещё раз

осмотрел заставленное книгами помещение — теперь уже по диагонали. Да вроде бы ничего особого. Книги как книги. Хотя нет, постоит-ка...

Толстяк подошёл к одному из шкафов, — стоящему по левую руку от пустого, — взглянул на него сбоку. Точно, так и есть: несколько книг почти на треть выдвинуты из стройного ряда коллег. Точно кто-то хотел их вытащить, а потом вдруг взял и передумал.

— Что за книги? — спросил Фульк.

— А вот вместе и посмотрим, — ответил инспектор.

И посмотрели. Набор оказался весьма пёстрым и от этого подозрительно странным.

Оноре де Бальзак, «Отец Горио». Жорж Оне, «Горнозаводчик». Оноре д'Юрфе, «Астрейя». Стендаль, «Красное и чёрное». Эжен Сю, «Агасфер». Огюст Эскофье «Кулинарный путеводитель». Тома Насержак, «Эстетика детективного жанра». Гюстав Эмар, «Золотая Кастилия». Эдмон Ростан, «Сирано де Бержерак». Александр Дюма-отец, «Три мушкетёра».

— Хм, весьма необычная подборка, — заметил Фульк. — Тебе так не кажется, Лелуш?

— Угу, — кивнул инспектор. — Разные эпохи, разные авторы, разные жанры: от пьес и эссе, до романов и кулинарных рецептов. Что и есть общего, так это то, что все авторы — французы. Да

еще экслибрис на форзаце. Но, похоже, здесь у всех книг точно такой же.

Лелуш выудил из полки первый попавшийся томик, раскрыл, сунул под нос Фульку:

— Ну, что я говорил.

Действительно, экслибрис тот же самый: земной шар, точно детский мячик, покоящийся на трёх толстенных фолиантах. На корешках книжуленций информация о владельце — по слову на каждый том: *Франсуа Марсель Робер*.

Франсуа Робер. Всё сходится. Именно так звали хозяина этой похожей на библиотеку квартиры. Хотя почему *звали*? Чтобы делать такие далеко идущие выводы, для начала следует дождаться данных экспертизы. Ведь могут быть и варианты. Фульк на своем веку всякого-разного насмотрелся.

— И всё-таки интересно, — проворчал Лелуш, почесывая похожую на тонзуру проплешину, — что означает сия шарада? Может быть, все эти книги вытащили случайно?

— Поверь мне, — с умным видом промолвил Фульк, — если когда-нибудь тебе на голову упадет черепаха, то это будет далеко не случайно.

— Почему? — захлопал глазами Лелуш.

Эксперт улыбнулся, продолжил:

— Это будет значить, что парящий в небе орёл, принял твою лысую макушку за гладкий

булыжник. Вот он и уронит на тебя рептилию, чтобы разбить твёрдый панцирь и полакомиться черепашатинкой.

— Это ты к чему? — насупился инспектор. Он не любил, когда кто-нибудь подтрунивал над его пролысиной.

— А к тому, — усмехнулся толстопузый Фульк, — что случайностей в этом мире не бывает в принципе. Это ещё Демокрит заметил. У всего есть своя причина.

— Ишь, грамотей выискался, — проворчал уязвленный полицейский. — Я тоже, между прочим, книжки почитываю.

— Ага, комиксы про Блэксэда.

— Ладно-ладно, — примирительно буркнул Лелуш. — Но раз уж ты у нас такой умный и считаешь, что у всего на свете есть причина, ответь: какова причина того, что все эти книги так странно стоят?

— Главное, — сказал Фульк, — понять, что их объединяет.

— Ну, это мы уже выяснили. Все они написаны французами. Про экслибрис, я думаю, вспоминать не имеет смысла.

— Нет, — пробормотал эксперт, — здесь явно что-то иное. Мне кажется, тут скрыт какой-то шифр. Некий код.

— Ага, — хохотнул Лелуш, — код да Винчи.

— А почему бы и нет, — не обратил внимания на глумливый тон коллеги Фульк. Он достал блокнот, записал имена авторов и названия их книг в один столбец.

Оноре де Бальзак, «Отец Горио»

Жорж Оне, «Горнозаводчик»

Оноре д'Юрфе, «Астрейя»

Стендаль, «Красное и чёрное»

Эжен Сю, «Агасфер»

Огюст Эскофье, «Кулинарный путеводитель»

Тома Насержак, «Эстетика детективного жанра»

Гюстав Эмар, «Золотая Кастилия»

Эдмон Ростан, «Сирано де Бержерак»

Александр Дюма-отец, «Три мушкетёра»

Лелуш заглянул Фульку через плечо. Спросил:

— А с чего ты взял, что надо записывать именно в такой последовательности?

— А ты что — араб? — вопросом на вопрос ответил толстяк.

— В смысле? — опять не уразумел инспектор.

— Ты как читаешь?

— Бегло.

— Я говорю: в какую сторону?

— А-а-а. Ну, как все люди, слева направо.

— Арабы, да будет тебе известно, тоже люди.

Но пишут и читают, в отличие от нас, *справа налево* ... Но я думаю, что зашифрованное послание оставил наш соотечественник, уж коль он выбрал шкаф с французскими авторами. Видишь, рядом стоит шкаф с книгами итальянских писателей. А вот англичане. Там испанцы, и немцы.

— Ха, точно. А я-то сразу и не заметил.

— Вот поэтому я и выписывал книги в той последовательности, как они стояли на полках: сверху вниз и слева направо. Правда, пока никак не могу уловить логику.

— А есть ли она, эта логика?

— Должна быть, — пропыхтел толстяк, что-то зачёркивая, вновь дописывая, соединяя линиями, отчерчивая и снова вымарывая. — А если так... Или так...

— Брось, ты это гиблое дело, Фульк, — махнул рукою Лелуш. — В конце концов, это не наша с тобою забота. Запротоколируем, сфотографируем, соберем улики — и баста. Пусть носолобые умники из управления над этим ребусом голову ломают.

— Но ведь интересно же, — пробухтел Фульк, и быстро-быстро застрочил в блокноте. Через несколько секунд он откинул ручку, довольно потёр потные ладони, сунул блокнот под нос Полю. — Смотри, что у меня получилось.

Лелуш посмотрел. Увидел:

Бальзак
Оне
д'Юрфе
Стендаль
Сю
Эскофье
Насержак
Эмар
Ростан
Дюма

— И что с того? — спросил полицейский. — Ты просто вычеркнул названия книг и имена писателей, — оставил лишь их фамилии?

— Да! — восторженно выпалил Фульк.

— И что это нам даёт?

— Смотри внимательней, — широко улыбнулся дешифровщик. Вернул Полю его же шпильку: — Яви свою хваленную наблюдательность.

Инспектор посмотрел на список писателей ещё раз. Для пущей важности пошевелил кустистыми бровями. Не помогло.

— Не понимаю, что ты здесь углядел, — посетовал туговато соображающий полицейский. —

И где тут покоится заяц?¹

— Попробуй применить правило акrostиха, — подсказал Полю Фульк.

Если уголовный кодекс Лелуш знал назубок, то о законах стихосложения имел самое поверхностное представление. Поэтому нахмурился, рыкнул:

— Не умничай. Пальцем ткни.

— Хорошо, — согласился Фульк, и прикрыл ладонью фамилии писателей так, что остались видны лишь заглавные буквы. На всякий случай подсказал, облегчая задачу донельзя: — Читай сверху вниз, как китайцы.

Слабо подкованный в поэтике, но бегло читающий бравый служака озвучил получившееся слово:

— БУС-СЕ-НАР.²

¹ «Voilà où gît le lièvre» — французский аналог русского выражения «вот где собака зарыта».

² Бальзак, Оне, д'Юрфе, Стендаль, Сю, Эскофье, Насержак, Эмар, Ростан, Дюма.

По-французски список писателей выглядит так:

Balzac, Ohnet, d'Urfe, Stendhal, Sue, Escoffier, Narcejac, Aimard, Rostand, Dumas.

Заглавные буквы дают слово «BOUSSENARD» — французское написание фамилии БУССЕНАР.

3

Прыжок в пустоту

*22 мая, 11 часов 41 минута 12 секунд
297 метров 13 сантиметров над уровнем земли
Эйфелева башня, Париж, Франция*

...Отринув страх, он бросил своё поджарое тело вверх, мёртвой хваткой вцепился в стальную трубу. Холод металла ожёг незащищённые ладони. Не смотри, что конец мая; здесь, на самой вершине башни Эйфеля — как никак триста метров над Марсовым полем! — даже летом бывает нежарко. А уж ежели ветер с Ла-Манша... Только подумал — и на тебе: резкий порыв студеного воздуха едва не скинул его вниз. О, дьявол! Этого ещё не хватало. Ветер! Ох, как некстати! Но отменять задуманное уже поздно. Он так долго к этому шёл. Не он один — вся команда. Другого шанса, вполне вероятно, уже не будет. Отступать нельзя. Жребий брошен! Вперёд, только вперёд!

А тут и люди в чёрном выскочили следом. На лицах маски, в руках автоматы. Всё! Сомнения прочь! Вверх!

Трубы, гулко вибрируя, загудели под ногами. Макушка «Железной леди» — сплошное

переплетение стальных конструкций, арматур, нагромождение антенн, ретрансляторов и прожекторов. Техногенная поэма, застывшая в металле.

Он карабкался по стальным арматурам с проворством фор-марсового матроса. Вот только внизу не палуба, не океан, внизу — его Величество Париж! Город раскинулся как на ладони. Вон черным уродливым брусом вбита в тело пятнадцатого округа башня Монпарнас. Вон золотым пожаром горит ажурный купол Инвалидов. Вон синей лентой вьется величественная Сена. О, Париж, я люблю тебя!!!

Но ему, увы, сейчас не до созерцания красот родной столицы. Надо спешить. На всё про всё у него лишь несколько минут. Тянуть нельзя. Всё должно пройти быстро и чётко — как по маслу.

Ещё бросок, ещё рывок, ещё пара метров вверх.

Он почувствовал себя Шоном Девлином, протагонистом игры «The Saboteur». Вот только в отличие от храбреца-ирландца у него нет в запасе такого количества жизней. Всего одна, единственная, своя собственная. Да и башня после войны значительно подросла. В пятидесятых на её вершине установили двадцатиметровую телевизионную антенну. Вот по ней-то он сейчас и карабкается. Ха, прямо как Человек-паук. Вот

только без красно-синего комбинезона и умения стрелять сверхпрочной паутиной. А что, было бы здорово. Раз — и липкий трос намертво обвил хитроумное переплетение стальных балок и арматур. Два — и ты уже наверху! Но, увы — так бывает лишь в комиксах. Он же может надеяться лишь на крепость рук и природную ловкость. Да ещё на уроки непревзойденного Дэвида Белля, гуру мирового паркура.

Ещё пара метров вверх. Ещё метр. Ещё.

Преследователи внизу загалдели, вскинули трещотки.

Тра-та-та-та!!! — загромыхало над Парижем.

Становится жарковато. И мёрзлый Борей здесь уже не поможет, не охладит.

Он резко метнулся в горизонтальной плоскости, чтобы между ним и стреляющими по нему была антенна. И снова вверх. Осталось немного, совсем чуть-чуть. До венчающей грандиозную конструкцию площадки уже рукой подать. Снизу площадка похожа на перекрестие оптического прицела. Весьма символично для человека, находящегося на линии огня. Но шутки в сторону, вперёд — точнее вверх!

Люди в масках, полоснули из автоматов ещё пару раз, затем закинули оружие за спину, тоже полезли вверх. И быстро, надо признать, полезли. Поистине с обезьяньей сноровкой.

Форы у него метров пятнадцать. Не бог весть сколько, но должно хватить. Тем паче, что вершина вот она — один прыжок, один рывок, один скачок.

И он скакнул.

Опля!

Конечно, не Человек-паук, но на должность акробата в цирк «Буглион» претендовать уже можно. Прыжок, выход на две, подъем — вуаля: вот он и на вершине мира! Выше — только облака и солнце.

Он не удержался, вскинул руки в победном жесте, словно желал дотянуться до такого близкого неба. Не дотянулся.

Снизу вновь послышался треск автоматов. Словно сигнал к действию.

Он бегло оглянулся, увидел на одном из штырей, коими так щедро утыкана макушка Эйфелевой башни, то ли пластиковый, то ли резиновый браслет, отдаленно напоминающий наручные часы: вот только вместо циферблата — пульсирующий синим огоньком овальный экран. Схватил, не глядя, нацепил на левое запястье, собрал в кулак остатки сил, взметнул себя на парашют и, мощно оттолкнувшись, прыгнул вниз.

4

Трюкач

*11 часов 52 минуты 07 секунд
322 метра 4 сантиметра над уровнем земли
Небо над Парижем, Франция*

Кто сказал, что люди не умеют летать? Умеют! Правда, не так как птицы. Скорее как белки. Белки-летяги. Сверху вниз. По параболической траектории.

А отсутствие естественных перепонки между конечностями отважные бёрдмены компенсируют за счет технических приспособ — вингсьюта³ и парашюта.

Жаль от костюма-крыла пришлось отказаться. Из-за неудобства подъёма в таком диковинном наряде на вершину Эйфелевой башни. Не очень-то попрыгаешь по трубам и мачтам с матерчатыми перепонками между ног. Да и с приземлением в центре густо застроенного мегаполиса могли возникнуть серьёзные проблемы... Эх! А было бы улётно промчаться над Парижем без парашюта! Знать, лавры Гэрри Коннери⁴ всё-таки не дают ему

³ Вингсьют (wingsuit — англ.) дословно — «костюм-крыло». Специальный лётный костюм с перепонками между руками и ногами.

⁴ Гэри Коннери — английский каскадер, в 2012 году

покоя.

Но ничего, всё еще впереди. А пока... Пока он летит с вершины самого высокого строения в Париже, и если не подумать о приземлении... Впрочем, думать уже некогда — надо действовать.

Пролетев мимо третьей, самой верхней смотровой площадки, — (ну и лица у господ экскурсантов!), — он закинул правую руку за спину, нащупал в специальном кармашке на ранце со сложенным куполом «медузу» — маленький вытяжной парашют. Нащупал, схватил, отшвырнул. 36-тидюймовый купол мгновенно раскрылся, — действительно стал похож на подарившее ему имя животное, — вытянул за стреньгу, как репку за ботву, основной парашют.

Хлоп!

Ощущение такое, словно его подхватили сильные, но очень нежные руки. Ласково, мягко, надёжно.

совершивший прыжок в вингсьюте без парашюта. Коннери прыгнул из зависшего на высоте 730 метров вертолета, и благополучно приземлился на специальную площадку из разложенных в несколько рядов картонных коробок. Рекорд был побит 30 августа 2016 года. В этот день американский скайдайвер Люк Эйкинс прыгнул без парашюта и специального костюма с высоты 7.620 м и приземлился в сеть, натянутую на высоте 20-тиэтажного дома

Ура!!! Есть контакт — он летит над Парижем! Летит, тысяча миллионов тысячи миллиардов тысяч чертей (отчего-то ему вспомнился так любимый им в детстве капитан Арчибальд Хэддок)!

Теперь впору сравнить себя не с Человеком-пауком, а с Суперменом. Впрочем, парень с планеты Криптон прекрасно обходился и без парашюта.

Но, скажем честно, даже с парашютом не всякий отважится ухнуть вниз головой с вершины металлической конструкции, похожей на нацеленную в зенит исполинскую литеру «А». А он смог! Хотя... это — его работа.

Да, он трюкач. Каскадер. Стантмен. И выполнять безумные, безбашенные трюки — это всего лишь его работа.

Вот и теперь — он снимается в очередном трюковом экшн-фильме. Причем в этот раз он не только снимается, но и *снимает*. Как такое возможно? Легко.

После выхода на экраны русской экспериментальной POV-ленты «Хардкор», киномир охватила новая мода: мода на фильмы, снятые от первого лица. В подобных фильмах исполнитель главной роли автоматически является и оператором картины. Ведь именно его глазами будут смотреть на всё происходящее на экране зрители. А уж если киношка трюковая, то с

оператора и вовсе особый спрос. Он обязан уметь бегать, прыгать, драться, фехтовать, кувыркаться, падать, плавать, гореть: делать ещё целую кучу самых невообразимых трюков. При этом делать всё это он должен в специальной маске, на которой закреплена видеокамера. Так что перед началом съёмок ему пришлось основательно подкачать мышцы шеи — уж больно непривычная даже для его тренированного тела нагрузка: точно прыгаешь на батуте в тяжёлом рыцарском шлеме — да ещё с закрытым забралом.

Тренировки не прошли даром. Сегодня они ему ой какгодились. Снимали (вернее *он* снимал) одну из сложнейших сцен фильма — прыжок с Эйфелевой башни. Никаких спецэффектов, никакой компьютерной графики, никаких страховочных тросов — всё вживую! Он, камера, парашют и башня.

Никогда ранее ему не приходилось участвовать в подобном проекте. Проект дерзкий, вызывающий, амбициозный. Поражающий своей наглостью и отчаянной смелостью. Будто кто-то могущественный отмотал время на несколько десятилетий назад и вернул съёмочную группу в золотую эпоху французского кино. Эпоху, когда блистательный Жан Марс без дублёра и страховки карабкался по кинжалам на стену средневекового замка, а баловень судьбы Бельмондо парил над

старушкой Лютецией, ухватившись за свисающую из чрева вертолета верёвочную лестницу.

Конечно, он не Маре, не Бебель, — его лицо ни разу не мелькнет на экране (зрители увидят лишь его руки и ноги), — но сегодня от него во многом зависит успех будущей киноленты. Сцена ответственная, кульминационная. К тому же снимается одним кадром, непрерывно, нонстоп: без единой монтажной склейки.

Половина дела сделана. Он вскарабкался на макушку Эйфелевой башни и сиганул с парашютом вниз (лишь один Господь Бог знает, чего стоило продюсерам уговорить власти города на подобную безумную авантюру). Впереди — эффектный финал. По сценарию, герой кинофильма не просто спускается с неба на парашюте; он приземляется не абы куда, а на крышу автобуса, в котором от справедливого возмездия пытается скрыться главный антагонист. Конечно же, штамп, избитое клише, затертый до дыр шаблон. Но — задачка для него, как для исполнителя трюка, и по совместительству оператора — весьма интересная. Однажды, в Орлеане, он уже проделывал подобный фокус. Правда, прыгал он тогда с вертолётa, и дело было за городом, в чистом поле — ничто не мешало манёвру. В Париже гораздо сложнее. Дома, строения, поток автомобилей. Водитель автобуса уже ничем не может помочь парашютисту.

Рассчитывать приходится только на себя... Что ж, к другому он и не привык.

Он посмотрел вниз, выцепил взглядом, едущий по Иенскому мосту чёрный четырёхдверный автобус «Рено». Выбор далеко не случаен: 18-тиметровая крыша — весьма приличная площадка для приземления в столь непростых условиях. За рулем Паскаль, водила от Бога. Ведет машину уверенно, ровно. И это хорошо, ибо северный ветер вносит свои коррективы: норовит откинуть парашют назад, прямо на башню. Ничего, прорвемся.

Итак — заходим на посадку!

Он выровнял полёт, направил крыло к головной части автобуса. Паскаль слегка притормозил, явно подстраиваясь под него. Ай молодец! Сделал всё аккуратно, едва заметно. Ведь по сюжету водитель не должен подыгрывать преследователю, не то зрители сразу почуют фальшь и потеряют интерес к фильму.

Главное — не промахнуться.

Не промахнулся!

Оп! Ноги коснулись крыши автобуса.

Теперь — отцепить парашют! Иначе воздушный поток сметёт его с крыши, словно муху.

Он со всей силы вдавил кнопку системы мгновенного отцепления купола (именно *мгновенного* ; любой другой вариант здесь попросту

неприемлем) — результата ноль! Мощный порыв встречного ветра наполнил парашют и...

Да-да, словно муху...

5

Откройте, полиция!

12 часов 14 минут 28 секунд

Набережная Сены, Париж, Франция

— Понимаете, словно муху! — негодовал Боб.

— Отныне я так и буду тебя величать — Флаймен! — расхохотался Малик, специалист по горению и всяким-разным пиротехническим штукам. — А что, есть же Человек-паук и Человек-муравей. Даже Человек — летучая мышь наличествует! Так почему бы не быть Человеку-мухе, а? Мы потом ещё эту идею «Marvel Studios» втюхаем. Деньжищ заработаем!

— Всё бы тебе шутки шутить, — нахмурился Боб, потирая ушибленную при незапланированном падении с крыши автобуса коленку. — Тут *такой* дубль заporоли, а он знай себе лыбится, что крокодил.

— Почему «заporоли»? — не согласился с Бобом Паскаль. — Ничего не заporоли. На автобус-то ты приземлился. Ногами крыши

коснулся.

— Ага, — горько усмехнулся Боб, — коснулся. И сразу же полетел кубарем вниз. А по сценарию должен был залезть через аварийный люк в салон и вступить в бой с охранниками.

— Хм, не вижу никаких проблем, — хмыкнул Паскаль. — Доснимем сцену влезания в салон и драку отдельно. И дадим через перебивку. Типа, кто-то в автобусе слышит грохот на крыше и смотрит на потолок.

— Вот-вот, — не унимался Боб, — через перебивку. А сцена, по задумке, должна была быть снята *одним* кадром. Безо всяких там перебивок, склеек и прочих монтажных уловок.

— Да ты, я посмотрю, перфекционист почище Джеки Чана. Весь фильм размечтался одним кадром снять? В книгу рекордов Гиннеса желаешь попасть?

— Не беспокойся, не попаду, — отмахнулся Боб. — Фильмы, снятые за один дубль уже существуют. «Русский ковчег» Сокурова, например. — Повернулся к Малику, натянул ему на нос бейсболку: — И кинолента под названием «Человек-муха», да будет тебе известно, тоже давно уже снята. Если мне не изменяет память, в далеком 1902 году. Между прочим, нашим соотечественником, Жоржем Мельесом. Классику надо знать.

Малик снял кепку, шутливо выкатил

мясистой нижней губу:

— Да ты, я погляжу, у нас эрудит.

— Весь в деда, — подхватил тему Паскаль. — Тот, мне кажется, вообще все книги на Земле перечитал. А библиотека у него — закачаешься! Вся квартира книжными шкафами заставлена. Бывал я у него как-то раз. Словно в мире книг очутился.

— Это точно, — согласился Боб. — Дед у меня известный библиофил. И при этом страшный ретроград. Собирает только всякое старье. Ну, скажите на милость, какой прок от его макулатуры? Только место в квартире занимает. Шагу нельзя ступить. Вот у меня, — достал из кармана новый айфон, — вся библиотека — в одном кармане. Хочешь, читай, хочешь, слушай, хочешь, в инете качай. Прогресс... А впрочем, я предпочитаю кино и игры. А вот Дед — книги. Причем исключительно бумажные. И всё какую-то замшелую классику позапрошлого века. Какая от нее польза?

В дверь вагончика каскадеров постучали.

— Войдите, — крикнул Паскаль.

Дверь распахнулась, на пороге возникла Ирен, рыжеволосая девушка-«хлопушка». Игриво улыбнулась Бобу, проверещала:

— Робер, к тебе посетители.

— Кого еще принесло? — удивился Боб. Он никого сегодня не ждал.

— Наверное, это юные очаровательные поклонницы, восхищённые твоим смертельным прыжком, — лукаво подмигнул каскадеру Малик. — За автографом.

Но он ошибся. Ни полом, ни возрастом, ни внешностью посетители не походили на охочих до автографов «юных очаровательных поклонниц». Даже на поклонников не тянули. Два сурового вида субъекта, давно перешагнувших сорокалетний рубеж, как по команде вошли в вагончик. Оба в строгих серых костюмах, с тростями типа «костыль» и лицами, похожими на лошадиные морды.

«Прямо Дюпон и Дюпонн из комиксов Эрже, — про себя хмыкнул Робер. — Вот только без усов и котелков. А один так и вовсе — с залысиной».

И надо же — попал в точку.

«Дюпон»... а может быть «Дюпонн»... В общем, тот, что лысоватый, буркнул, обращаясь к Бобу:

— Мсье Робер Робер? Внук Франсуа Робера?
Боб кивнул.

Субъект в сером сунул под нос Бобу удостоверение:

— Инспектор Лелуш, криминальная полиция Парижа. У нас к вам несколько вопросов.

Безумная семейка

12 часов 36 минут 43 секунды

...Боб никак не мог прийти в себя.

Деда больше нет.

Все беды, заботы, проблемы — и неудачный дубль, и разбитое колено, и даже разрыв с Софи — показались мелкими, незначительными, ничтожными.

Деда нет!

И мир остановил свой бег...

Деда не стало!

А значит, он остался совсем один. Один одинешенек на всем белом свете. Софи, насколько была легкомысленная особа, и та не выдержала. Два месяца назад громко хлопнула дверью, взвизгнув на прощание: «Когда-нибудь ты свернешь себе шею!»...

Дед ушел.

Сперва Отец и Мать, теперь Дед... Нет, с родителями всё понятно. Они погибли в автомобильной катастрофе, когда Бобу было всего двенадцать.

Все Роберы — отчаянные смельчаки и безрассудные сорвиголовы.

Дед, Франсуа Робер, начитавшись приключенческих книжек всяких там Данри, д'Ивуа и прочих Жаколио в старинном «Журнале путешествий и приключений на суше и на море», в семнадцать лет сбежал из дома и без единого су в кармане отправился в кругосветное путешествие. Так и провел всю жизнь в странствиях и экспедициях. Мыл золото в Южной Америке, бил с эскимосами китов в Гренландском море, боролся с браконьерами в Танзании, жил среди антропофагов Новой Гвинеи, поднимался на Эверест. По аналогии с прозвищем героя Брюса Уиллиса в одном кинофильме «последний бойскаут», Боб в шутку величал Деда «последним глобтроттером». Журналисты же нарекли Франсуа Робера «Бородатым Дюраселом». За смешную раздвоенную бородку и поистине неиссякаемую энергию.

Наверное, не было на планете такой страны, в которой не побывал Робер-старший. И при всём при этом Дед очень много читал. Все свои сбережения он тратил на книги. Превратил свою парижскую квартиру, — в коей, кстати, бывал не столь уж и частым гостем, — в настоящее книгохранилище. Даже кухня — и та была заставлена книгами.

Родители Боба, Жаклин и Юбер Роберы, были автогонщиками: Мать пилотом, Отец — штурманом. Так и гоняли на пару, пока не

разбились в Альпах.

Горькая судьба родителей не испугала Боба. И ничему не научила. Вырос — стал каскадёром. Паркур, фехтование, гимнастика, трикинг, бейсджампинг. Вот лишь немногие трюковые дисциплины, в коих преуспел юный Робер к своим двадцати двум годам. Ученичество у легендарного Белля, знакомство с Сирилом Раффаэлли, работа трюкачом на пятнадцати картинах. Вот — дорос до исполнения индивидуального уникального трюка. Дорос и... как оборвало.

Дед ушёл... Вернее *не ушёл* — его *убили* ! Мало того — тело раство... Фу! Даже подумать страшно. Какое изуверство!!! Кому мог перейти дорогу этот милейший старик с лихо закрученными усами и бородой «французская вилка»?

Боб поднял глаза на Лелуша, хрипло спросил:
— Из-за чего его убили?

Полицейский с лицом Фернанделя и фамилией режиссера «Мужчины и женщины» лишь пожал плечами:

— Трудно сказать. Деньги, ценности, аппаратура: всё вроде на месте. Пропали только книги из одного шкафа. Но стоит ли совершать такое ужасное преступление из-за книг?

— А что за книги?

— Трудно сказать. Каталога мы нигде не нашли, а с порядком на книжных полках у вашего

деда, честно признаюсь, не ахти. Вольтер у него соседствует с Монтепеном, Верлен с Сименоном, а Роллан с Алленом.

— Да, — грустно улыбнулся Робер, — в этом весь Дед. Обожал сочетать несочетаемое. Даже шоколад предпочитал не со сливками, а с перцем чили.

Лелуш брезгливо поморщился. Вновь обратился к Бобу:

— Скажите, а фамилия *Буссенар* вам ни о чем не говорит?

7

Крамер против Крамера

Буссенар?

Ну, конечно же! Именно о Буссенаре они разговаривали с Дедом в последний раз. Кажется, это было на прошлой неделе, в пятницу... Точно, в пятницу. И пятница была не простая — чёрная. *Пятница тринадцатое*. Вот и не верь после этого в приметы. Ведь разговор у них с дедом тогда не сложился. Разошлись они далеко не по-дружески. Прямо скажем, разругались. Сошлись два яростных Робера. Нашла коса на камень. Эх!

Сейчас Боб отдал бы всё на свете, лишь бы вернуть тот злосчастный вечер, когда наговорил Деду кучу дерзостей и глупостей. Увы, нельзя

войти в одну и ту же реку дважды. Прошное не воротить.

А началось всё с разговора о новом кинопроекте.

— Весь фильм от первого лица? — покачал головой Дед. — Как в твоих компьютерных игрушках?

— Да, — кивнул Боб, — как в шутерах. Только гораздо круче.

— Чего только не понапридумывают, — вздохнул Робер-старший. — Уж лучше бы экранизировали кого-нибудь из наших старых классиков. А то ведь, ей-богу, стыдно. Даже по книгам Дюма и Верна фильмы чаще снимают за рубежом, а не во Франции! Ну куда это годится? Вот ты — знаешь хотя бы одну отечественную экранизацию романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта»?

— Ну, если за полноценный фильм считать немую короткометражку начала прошлого века, то ровно одну и знаю,⁵ — немного подумав, сказал

⁵ Скорее всего, Боб имеет в виду фильм «Дети капитана Гранта», снятый в 1913 году Виктори-Гипполит Жассе совместно с Генри Русселом и Джозефом Фэвром на киностудии «Эклер». Фильм длился всего 23 минуты. Считается утраченным.

Робер-младший. В истории кинематографа он разбирался гораздо лучше, нежели в литературе.

— А вот русские, — завёлся с пол-оборота Дед, — уже дважды обращались к этому великому роману! Даже диснеевцы что-то там как всегда переврали. С песнями да танцульками... Да ладно Верн! Он, слава Богу, не обделён вниманием твоих коллег — киношников. А вот Буссенар! — Дед, казалось, вот-вот закипит, словно чайник. — Ни одной экранизации! *Ни одной !!!* А ведь практически любой роман Буссенара — готовый сюжет для лихого приключенческого... как там у вас это принято сейчас называть?... ах да, *блокбастера*. Снимай — не хочу. Вот-вот, не хотят! Вы, — Дед, разгорячившись, ткнул пальцем во внука, — не хотите!

Робер не сдержался (а следовало бы), огрызнулся:

— Да кому он нужен этот твой пронафталиненный Буссенар? Его, если мне не изменяет память, даже не переиздают уже лет сорок. А то и все пятьдесят. Пятьдесят лет — целые полвека! Молодёжь даже не догадывается о его существовании. Я — редкое исключение. Наслышан о Буссенаре лишь потому, что ты мне с детства о нём все уши прожужжал. И то — я не читал ни одной его книги. Пойми, Дед, так получилось, что твой любимый автор прочно забыт,

и место ему... — хотел сказать «на свалке», но пожалел Деда, произнёс: — ... лишь в твоей библиотеке. Поверь, кроме тебя он никому не нужен. Он морально устарел. Сейчас в моде другие сюжеты, другие книги, другие авторы. Дэн Браун, например, или Клайв Касслер. На худой конец Джеймс Роллинс. Из наших — Вербер, Лёвенбрюк, Гранже. Люди любят загадки, всевозможные тайны, квесты, экшн. А будущее, по-моему, и вовсе — за компьютерными играми и кино.

— Игры, квесты, тайны, экшн, — передразнил внука дед. — Буссенар им, видите ли, не интересен. Стал скучен, устарел.

— Да, устарел, — подлил масла в огонь Боб. — И лично я, например, ни за что не возьму его книгу в руки.

— Ах так! — вспыхнул Дед. Ох, не зря его прозвали «Бородатым Дюраселом». Того и гляди между кончиков его экстравагантной бороды сверкнет электрический разряд. — А вот мне кажется, возьмешь! И не просто возьмешь, но ещё и прочитаешь! От корки до корки!

Настала очередь яриться внуку. Яблочко, что называется, от яблоньки недалеко падает.

— Даже не притронусь!

— И притронешься, — брызнул слюной дед, — и откроешь, и прочитаешь! И не ты один! Вся Франция! Весь мир!!!

Боб вгорячах громыхнул дверью.

С того дня он Деда не видел. И уже вряд ли когда-нибудь увидит...

8

Неизвестный писатель

12 часов 47 минут 6 секунд

— Вы уверены, что речь именно о писателе? — Лелуш умоляюще посмотрел на Робера, будто от молодого каскадера зависела судьба всей его дальнейшей карьеры. Уж больно полицейскому хотелось верить, что таким необычным способом покойный зашифровал фамилию своего убийцы. Какая никакая, но всё-таки зацепка. А вот некоего забытого Богом и людьми писателя позапрошлого века пришить к делу будет крайне затруднительно.

Боб пожал плечами.

— Трудно сказать. Но никаких других Буссенаров, особенно как-то связанных с Дедом, я и вправду не знаю. Для моего Деда, Буссенар — любимый автор из детства. Дед ставил его даже выше Жюля Верна (а уж Верна Дед обожал). — Молчаливый напарник Лелуша скривил губы в усмешке. Боб сказал: — Вы зря смеетесь. Любовь к

творчеству Буссенара Дед пронёс через всю жизнь. Собрал целый шкаф его книг. Кстати, — Робер стукнул себя кулаком по лбу, — это был единственный тематический шкаф во всей дедовой библиотеке. Книг других авторов в этом шкафу не было. Только Буссенар.

Полицейские переглянулись, задумчиво прищурились. Лелуш достал из кармана сотовый, зашёл в «галерею», заскользил пальцем по экрану. Наконец нашел нужную фотографию, показал Бобу.

— Да, — кивнул каскадёр, — это тот самый шкаф. С Буссенаром. Только теперь он почему-то пуст. Когда я был у Деда в последний раз, все книги были на месте. Я точно помню, пустых шкафов не было.

— А что же вы сразу нам ничего о нём не сказали? — проворчал полицейский.

— Так вы и не спрашивали. Да, признаться честно, я и сам только что вспомнил об этом шкафе. Я ж в детстве больше времени на улице проводил, да в спортзале, а не в библиотеке. И в отличие от Деда я не испытываю благоговейного трепета, когда слышу фамилию «Буссенар». Ни одного его романа не прочитал. И особо, знаете ли, не тянет. А вот Дед — тот обожал. Сдаётся мне, он собрал все издания любимого сочинителя, когда-либо вышедшие из-под печатного станка. А если учесть, что Буссенара перестали издавать у нас ещё в

дедовом детстве, то книги все были старые, раритетные... Хотя нет, вру. Было там несколько свежих изданий. Но не французских, иностранных. Кажется, на русском языке. Помню довольно-таки многотомное собрание сочинений: томов двадцать, а то и тридцать. Запомнил из-за обложек. Там такие яркие разноцветные суперы, с несколько аляповатыми рисунками. Деду какой-то его давний друг прислал, кажется, из Петербурга. В шкафу это собрание целую полку занимало. — Боб подумал, усмехнулся: — Странно, да? У нас во Франции Буссенара благополучно забыли, несколько десятков лет не издают. А вот в какой-то России многотомное собрание сочинений выходит. Может, Дед и прав: и Буссенар — весьма любопытный автор. Ну, стали бы без причины переводить автора вековой давности? Да вот и теперь: кому-то ведь понадобились его книги?

— Как вы думаете, книги из этого шкафа представляют какую-либо ценность? — полюбопытствовал Лелуш. — Сколько, по-вашему, они могут стоить на рынке антикварных книг?

Боб пожал плечами.

— Не берусь судить, я в этом не специалист... Впрочем, сейчас мы узнаем, сколько могла стоить Дедова коллекция. Весьма примерно, конечно, но всё же.

Робер включил ноутбук, вошёл в сеть,

забарабанил по клавишам.

— Вот, — сказал он через пару минут. — На Амазоне книги Буссенара идут... по весьма, надо сказать, умеренной цене. Даже самые роскошные издания стоят немногим больше четырёхсот евро. Для чистоты эксперимента округляем в большую сторону. Допустим, каждая книга из того шкафа стоила ровно пятьсот евро... А вы не помните, сколько в том шкафу было полок?

Лелуш сверился с фотографией на своём телефоне, ответил:

— Шесть.

— Спасибо... Итак. В каждой полке примерно по тридцать — сорок книг. Опять-таки округляем в большую сторону... Итого... — Боб прикрыл глаза, производя в уме арифметические расчёты. Спустя несколько мгновений, выдал: — Примерно, сто двадцать тысяч евро. И это — сильно завышенная цена. Я думаю, раза в два, если не в три. Ведь в основном у Деда в том шкафу стояли дешёвые томики Талландье в бумажных переплетах. Им грош цена в базарный день.

— Да-с, — протянул Лелуш. — Действительно, не миллионы. Странно всё это. Действовал, по всей видимости, преступник-профессионал, — даже следов никаких не оставил, — а похитил лишь коллекцию книг малоизвестного, давно забытого писателя. А ведь

насколько я понимаю, в библиотеке вашего деда имелись и более ценные книги?

— Точно, — кивнул Робер. — У Деда были и весьма раритетные издания. Даже парочка ксилографических инкунабул XV века. Уж, право, не ведаю, где он их раздобыл, но точно знаю: стоят эти фолианты — ого-го! Так что с выбором книг преступник явно лопухнулся.

— Да не похож он на лопуха, — покачал головой полицейский.

— А вдруг, — воскликнул Боб, — вся эта история с книгами Буссенара — всего лишь отвлекающий манёвр? Вот с чего вы взяли, что слово «Буссенар» зашифровал именно мой Дед? Только не говорите, что на переплётах книг не нашлось других отпечатков пальцев кроме Дедовых. Это же естественно. Сколько себя помню, к этим книгам никто никогда кроме Деда не притрагивался. А преступник, раз уж он такой, как вы говорите, профи, скорее всего, действовал в перчатках. Что мешало убийце специально, для отвода глаз, опустошить шкаф с книгами Буссенара, — он ведь там один такой, отличающийся от других, — и оставить зашифрованное послание с фамилией автора украденных книг? Для чего? Да чтобы полиция, то есть вы, господа хорошие, поломали голову над этой головоломкой. Ведь у любого нормального

человека мозги закипят при решении заведомо нерешаемой задачи.

Полицейские вновь обменялись умными взглядами, опять загадочно прищурились. Лелуш сказал:

— Больно сложно для заметания следов. Вытащить из дома несколько стопок книг — дело весьма трудоёмкое. Впрочем, время у преступника было. Лишь для того чтобы избавиться от тела, — (Боб стиснул зубы, сжал до побелевших костяшек кулаки), — ему потребовалось примерно трое суток. Но вот мотив... Ладно. В любом случае мы обязаны проверить все имеющиеся версии и зацепки. Даже самые, казалось бы, фантастические. И я думаю, вы можете нам в этом помочь.

— Чем смогу — помогу, — не раздумывая, согласился Робер. — Я не меньше вашего желаю отыскать убийц Деда.

Лелуш продолжил:

— Хорошо. Скажите, а что собою представляет этот ваш Буссенар?

— Ну, во-первых, не мой, а Дедов, — поправил инспектора Робер. — А, во-вторых, я и сам о нём практически ничего не знаю. Знаю лишь, что он писатель жюльверновского толка, автор многочисленных приключенческих романов. Писал о путешествиях по разным экзотическим странам и, кажется, ещё фантастику... — Задумался, почесал

затылок. — Да, пожалуй, и всё... Я особо не в курсе. Я ж вам уже говорил: лично я у Буссенара ничего не читал... Хотя, постойте. — Боб аж вскочил. — Дед же совсем недавно сайт запустил! Как раз посвященный этому самому Буссенару. Я же сам Деда с веб-дизайнером сводил. Вот голова дырявая!.. Минуточку... — Боб снова застучал по клавишам ноута. Через несколько секунд развернул экран к полицейским. — Вот. Авторский сайт Франсуа Робера — «Луи Буссенар: Орфей, Одиссей, Орион».

С экрана на законоохранителей смотрел солидный господин с элегантными разлётистыми усами и расклиненной сидящей бородкой («Так вот у кого Дед позаимствовал фасончик», — подумал Боб). Фотография старинная: уж коль не ровесница башни, с коей совсем недавно спрыгнул Робер, то явно помнящая Президента Лубе. Бородач сидел за рабочим столом с кручеными ножками. За спиной — коллекция ружей (ого, целый арсенал!), в ногах — охотничий пёс на ворохе соломы.

— Странное название для сайта, — пробормотал Лелуш. — При чём здесь какие-то Орфеи, Орионы, Одиссеи? Насколько я помню, это всё персонажи древнегреческой мифологии.

— Здесь же написано. — Боб ткнул пальцем в

экран: — Вот. «Луи Буссенар — мастер авантюрной интриги, замечательный писатель, отважный путешественник, страстный охотник».

— И? — физиономия Лелуша выразила крайнюю степень изумления.

— Всё очень просто. Орфей, в древнегреческой мифологии — легендарный певец, своего рода предтеча всех сочинителей и писателей. Одиссей — ну, этого персонажа даже дети знают. А Орион — мифический великан-охотник. Вот и выходит, что Буссенар — этаким трицефал, человек — «три в одном»: писатель, путешественник, охотник.

— Я смотрю, вы весьма эрудированны для трюкача, — усмехнулся полицейский.

— А вы думали, каскадёрам голова нужна лишь для того, чтобы биться ею об стену?

— Извините, не хотел вас задеть. Но я и впрямь поражён вашей начитанностью.

— Пожили бы с моё с Дедом, — усмехнулся Боб, — не только бы мифы Древней Греции знали, но и ещё массу всего интересного. Эрудированнейший человек... был. — Робер понурился. Никак не мог смириться с мыслью, что Деда больше нет.

— Понятно. — Лелуш склонился над ноутбуком, пробежал главную страницу сайта по диагонали. Прокомментировал: — Да я смотрю,

этот Буссенар не только Орфей-Одиссей-Орион, но ещё и Ахиллес в придачу — в смысле, воин. Участвовал добровольцем во франко-прусской войне. Побывал в переделках при Висамбурге и Рейшофене. Оборонял Париж, был ранен при Шампиньи. Да и вообще жизнь этого «мастера авантюрной интриги» похожа на приключенческий роман. Учился на медика, воевал, практиковал, работал криминальным хроникёром, журналистом. Странствовал по разным экзотическим странам: бывал в Гвиане, Сьерра-Леоне, Марокко, возможно в Австралии (интересно, почему возможно?). Охотился на львов, слонов. Был дважды женат. Сотрудничал с «Журналом путешествий и приключений на суше и на море». Более тридцати лет был главной «звездой» этого популярного издания. В общей сложности написал — ого! — около сорока приключенческих романов. И названия всё какие занимательные: «Похитители бриллиантов», «Бенгальские душиатели», «Адское ущелье», «Ледяной ад», «Архипелаг чудовищ». Пряма аж мурашки по коже!.. И надо же — при всём этом напрочь забыт. Да, судьба порою бывает несправедлива к отчаянным парням.

— Везде и рядом, — согласился Боб. Пробежался по меню сайта: — Биография. Библиография. Иллюстрации. Новости... Ну-ка, ну-ка. Последняя новость датирована семнадцатым

мая. Интересно.

Клик. Открылась новая страничка... И рты у всех присутствующих...

9

Утраченное сокровище

13 часов 02 минут 4 секунды

«Утраченное сокровище Луи Буссенара».

Именно так называлась последняя статья, размещённая на авторском сайте Франсуа Робера «Луи Буссенар: Орфей, Одиссей, Орион».

Опубликована 17 мая, в 23 часа 14 минут.

Всего пара строк. Но каких!

«Сенсация! Сенсация!! Сенсация!!!

Друзья! Я, Божиею милостью беспечный авантюрист и увлечённый книгочей, Франсуа Робер, спешу с радостью возвестить всему миру: утраченные сокровища Луи Буссенара найдены и в скором времени будут возвращены Франции!

Это не только миллионы евро, но и национальная честь, национальное достоинство, национальная гордость!

Следите за новостями!»

Лелуш трижды перечитал объявление: два

раза про себя, один раз — вслух. Затем почесал верхней губой кончик носа, пробормотал:

— Ну и дела. Утраченное сокровище! На миллионы евро! Вот это уже тянет на какой-никакой, но мотивчик. За такую кругленькую сумму отдельно взятые типы могут человека не то что в кислоте растворить, но и муравьям скормить по кусочкам. — Заметив, как натянулась кожа на скулах Робера-младшего, полицейский виновато пробурчал: — Извиняюсь, как-то само собою вырвалось... Кстати, о каких таких утраченных сокровищах идет речь?

Боб пожал плечами:

— Я, право, даже не знаю, что и думать. Дед никогда не рассказывал мне ни о каких сокровищах. Тем более о сокровищах Буссенара... Да, по молодости Дед мыл золото где-то в Колумбии. Но Крезом он не стал. Всё промотал, прогулял, потратил на путешествия и книги... А Буссенар, насколько мне известно, и вовсе жил очень скромно. В основном на гонорары от книг. Откуда у него, спрашивается, миллионы? Он же не Дюма. Да и Дюма, по большому счету, умер практически нищим... Нет. Даже если у Буссенара и были большие деньги, почему о них ничего не было известно до сегодняшнего дня? Чепуха какая-то.

— Чепуха, не чепуха, — серьезно заметил Лелуш, — но на следующий день после

обнародования этой вот, — узловатый палец полицейского упёрся в экран ноутбука, — прелюбопытнейшей новости ваш дед пропал без вести. И есть все основания полагать, что он был убит. Так же не стоит забывать о загадочно исчезнувшей книжной коллекции и странном зашифрованном имени. Хотим мы этого или нет, но, так или иначе, всё сводится к, казалось бы, неизвестному писателю позапрошлого столетия — некому Луи Буссенару. *К его сокровищам*. К сокровищам, которые ваш дед, между прочим, оценил в несколько миллионов евро. Я бы, конечно, отнёс всё это к разряду курьёзных недоразумений, но, увы, многолетний опыт работы в криминальной полиции не позволяет мне этого сделать. Не каждый день, знаете ли, из-за стопки пожелтевших книг забытого всеми романиста убивают человека и растворяют его тело в ванной с кислотой. — При этих словах Боб болезненно поморщился, побледнел, стиснул зубы. Заметив это, инспектор сказал: — Прошу прощения, что вновь наступил на больную мозоль... Итак. — Лелуш пристально, словно магнетизёр на подопытного, взглянул на молодого каскадёра. — Вы утверждаете, что никогда прежде не слышали о сокровищах Буссенара, и даже не знаете, о чём собственно может идти речь?

— Так и есть, — подтвердил Боб.

— Хорошо. Вернее, ничего хорошего. — Инспектор вновь забавно почесал губою нос. — Мы не продвинулись ни на йоту... Скажите, а у вашего деда были враги? Может быть кто-то угрожал ему?

— Ну что вы. Дед был... — Боб осёкся. — ...Извините, никак не могу смириться...

— Понимаю, — по-отечески похлопал по плечу юношу полицейский.

— Дед был, конечно, с чудинкой, — продолжил Робер, — (впрочем, у нас вся семья, как вы, наверное, уже успели заметить, не без странностей), но врагов у него никогда не было — только друзья. Во всех частях света. Даже в Антарктиде, — как любил шутить Дед, — среди пингвинов. Так что, я честно признаюсь, просто понятия не имею, кто мог с ним такое сотворить... И о сокровищах Буссенара, клянусь, я тоже слышу впервые.

— Допустим, — не вполне доброжелательно произнес Лелуш. — А вот вы сами, где *вы* были в среду 18 мая?

— То есть? — не понял каскадёр.

Полицейский одарил Робера улыбкой людоеда-филантропа:

— Я спросил: где вы находились в день предполагаемого убийства вашего деда?

— Но с чего вы взяли, что мой дед был убит именно восемнадцатого?

— Видите ли, для того чтобы кислота без остатка растворила тело взрослого мужчины, — уж простите меня за столь тошнотворные подробности, — требуется примерно трое суток. А если исходить из того, что эту новость, — полицейский в очередной раз ткнул пальцем в экран ноутбука, — опубликовал не кто иной как ваш дед, то получается, что вечером семнадцатого он был ещё жив. Простой арифметический подсчет как раз и даёт нам восемнадцатое число... Так где же вы были в среду?

— Вы меня подозреваете?! — удивленно вскинул брови Робер.

— Ну что вы, — примирительно замахал руками Лелуш. — Это простая формальность. По долгу службы я вынужден задавать этот неприятный вопрос всем, кто знал покой... кхе-кхе, Франсуа Робера. Увы, такая работа. — Молчаливый напарник Лелуша поддакиваяще кивнул.

— Я всю неделю пропадал на съёмках, — сказал Боб. — У нас очень напряжённый график. Снимаем с утра и до позднего вечера — вам здесь каждый подтвердит. Домой приезжал лишь помыться да поспать. Даже есть приходилось на съёмочной площадке. Совсем закрутился. За всю неделю не нашел и минутки, чтобы позвонить Деду. — Трюкач обхватил голову, взъерошил светлые вьющиеся волосы. — Да и вообще...

Дзинь. Звуковой сигнал оповещения о получении нового электронного письма отвлек Робера от неприятного разговора. Чисто автоматически, а не из насущной необходимости молодой человек взглянул на экран ноута. В нижнем правом углу высветилось окошко с сообщением: «Получено новое письмо от адресата «Франсуа Робер»».

Боб застыл скульптурным изваянием «древнегреческий обыватель перед ликом Медузы Горгоны». Затем перевёл исполненный непонимания взор на полицейских, кивнул на экран, еле слышно выдавил:

— Письмо... От Деда...

10

Голос с того света

13 часов 13 минут 13 секунд

— Ну, что вы сидите, как гаргуля на Соборе, — бранчливо проворчал Лелуш. — Открывайте письмо.

Боб и открыл.

Письмо оказалось пустышкой. Но с одним прикрепленным аудиофайлом.

— Запускайте, — продолжал командовать

полицейский.

Робер и запустил.

Из динамиков раздался голос Деда. Глубокий, бархатный, с неповторимой фирменной роберовской хрипотцой. У Боба аж сердце защемило.

— Дорогой Робер, здравствуй! Если ты сейчас меня слышишь, значит, со мною что-то случилось. Не спрашивай что. Я сам еще толком не во всём разобрался и, увы, не способен заглядывать в будущее.

Знаешь, с той поры как я разгадал секрет Буссенара со мною стали происходить какие-то странные вещи. Мне стало казаться, будто за мною кто-то следит. Наверное, это старость...

О каком секрете идет речь? Ты не поверишь. После нашего с тобою последнего разговора я загорелся идеей во что бы то ни стало доказать тебе, Франции, всему миру, что Буссенар забыт незаслуженно. Я обложился книгами и... Вот уж действительно прав был доктор Генри Уолтон Джонс-младший: семьдесят процентов археологической работы проводится в библиотеке — за исследованием источников, чтением книг, сопоставлением фактов. Вот и я — не выходя из кабинета, взломал код Буссенара! Я отыскал его сокровища! Писатель завещал своей горячо любимой Родине миллионы! Ты слышишь —

миллионы! И наш долг, долг семьи Робер — вернуть Франции сокровища Буссенара!

Ты спрашиваешь, как мне удалось разгадать загадку Буссенара? Всё очень просто...

Громкая телефонная трель на полуслове оборвала Франсуа Робера. Дед осёкся, замолк на пару секунд (смолк и телефон), затем заговорил в два раза быстрее:

— Робер, мне тут срочно надо решить один вопрос. Надеюсь, я справлюсь без посторонней помощи. Но. Если со мною всё-таки что-то случится — отыщи карту. Она здесь, в моей библиотеке, между двух Вернов.

И последнее. Опасайся красной звезды...

На этом месте запись обрывалась.

— Ничего не понимаю, — прокомментировал запись Боб. — Зачем, спрашивается, Деду потребовалось посылать мне звуковое письмо с отсроченной доставкой? Да ещё такое сбивчивое и непонятное.

— Угу, — задумчиво промычал Лелуш. Задумываться и озадачиваться инспектору было явно противопоказано. По крайней мере, на людях. Ибо мыслительные процессы отобразались на лице полицейского самым неожиданным образом. Со стороны могло показаться, что он соревнуется в гримасничанье с самим Луи де Фюнесом. На худой конец — с Джимом Керри. — Я практически

ничего не понял из этой абракадабры. Кто такой этот доктор Джонс-младший? Знакомый вашего деда?

— Ну, что вы, — улыбнулся Боб. — Доктор Генри Джонс-младший более известен миру не по имени, а по прозвищу.

— И что это за прозвище такое?

— Индиана.

— Индиана? — опешил Лелуш. — Индиана Джонс, герой фильмов Спилберга?

— Да. Один из любимых киногероев Деда. Кстати, Дед — ровесник Харрисона Форда, исполнителя роли легендарного археолога. Они даже в один день родились — 13 июля. А ещё Дед писал самому Спилбергу, предлагал вариант сценария для пятой части саги о великом искателе приключений. Что-то там о посохе Сунь Укуна. Там по сюжету...

— Всё это, конечно, интересно, — перебил каскадера полицейский, — но какое отношение к делу имеет выдуманный киноперсонаж?

— Никакого. Просто Дед любит... любил порою цитировать профессора Джонса. А в третьем фильме Индиана как раз рассказывает студентам о тех самых семидесяти процентах и полученных в библиотеках знаниях. Но самое смешное — Дед по жизни больше руководствовался другим советом доктора Генри Джонса: прямо противоположным,

из четвёртого фильма. Помните, когда Индиана вместе с сыном въезжает в читальный зал университетской библиотеки на мотоцикле, и на полном ходу бросает студентам через плечо: «Хотите стать археологами — вылезайте из библиотек»?

— Я не смотрел этот фильм, — отмахнулся инспектор. — Ладно, допустим, с доктором Джонсом мы разобрались. А вот о какой карте шла речь в конце сообщения? Уж не о карте ли, указывающей путь к сокровищам этого самого Буссенара? И ещё — между какими двумя Вернами эта карта может находиться? Лично я, знаю лишь одного Верна — Жюля. Читал в детстве пару его книжек: что-то там про полёт на Луну в пушечном ядре.

— Возможно, речь идет об Анри Верне, — предположил Боб. — Правда, пишется его фамилия не Verne, а Vernes — с «s» на конце. Но в данном случае... Бог его знает, что имел в виду Дед. Он явно торопился, думал о чём-то своем.

— Анри Верн? — переспросил Лелуш. — Не слышал о таком.

— Это псевдоним бельгийского писателя Шарля-Анри-Жана Девисма, известного своей бесконечной сагой о похождениях Боба Морана. По мотивам этих книг в конце девяностых ещё мультсериал сняли. Я, помнится, очень любил его в

детстве.

— Не смотрю мультиков, — скривил губы полицейский. — Лучше скажите, в библиотеке вашего деда книги этого бельгийца стоят в одном шкафу с романами Жюль Верна?

— Этого я не знаю. У Деда такая чересполосица на книжных полках творится. У него Лео Таксиль может спокойно соседствовать с Блаженным Августином. Да вы знаете... Лично меня больше волнует таинственная «красная звезда», которой мне почему-то следует опасаться.

11

Красная звезда

13 часов 24 минуты 47 секунд

— Красная звезда, — задумчиво повторил Лелуш, производя поистине фантастические манипуляции с верхней губой и кончиком носа. — Понятия не имею, о чём может идти речь. Ну, не о футбольном же клубе.⁶ Хотя... Ваш дед интересовался футболом?

⁶ «Red Star Football Club» — один из старейших парижских футбольных клубов.

— Да нет. Дед был из породы участников, а не болельщиков. В футбол он не играл. Не любил командные игры. Предпочитал индивидуальные виды спорта. Всегда был героем-одиночкой. Этаким новоявленным самураем. Скорее даже ронином.

— Кем?

— Ронином. Самураем без сюзерена. Вы что, не смотрели фильм с Жаном Рено и Робертом де Ниро?

— Я вообще стараюсь поменьше смотреть телевизор. Знаете ли, предпочитаю голубому экрану стаканчик *красного*. — Лелуш рассмеялся собственной шутке.

— Вот и вы о красном, — заметил Боб. — Что ж это за «красная звезда» такая?

Молодой трюкач вновь уселся за ноутбук, вбил в поисковую строку загадочное словосочетание, практически тут же получил несколько миллионов ответов. Несколько миллионов!!! И как спрашивается во всем этом безграничье отыскать нужный смысл? Желательно тот самый, что вкладывал в это словосочетание Дед. О какой именно «красной звезде» говорил Франсуа Робер? И, собственно, почему эту «красную звезду» следует опасаться ему, Роберу Роберу?

Пожалуй, лучше всего начать с самого

популярного ответа — с википедийной статьи «Красная звезда (символ)».

Клик.

Ого! Да тут целая армия смыслов, подсмыслов и наименований!

Символ коммунизма и социализма. Ну, это понятно. Ха, что ж, теперь обходить стороной любого социалиста?

Исламский символ. Например, красная звезда встречается на государственных флагах Туниса и Алжира. Час от часу не легче. Муслимов в Париже нынче — хоть отбавляй. Взять того же Малика из их команды. Родом как раз из Алжира, мусульманин. Между прочим, отличный парень. Пиротехник каких мало.

Идём дальше. Красные звёзды в США, в Новой Зеландии, в Оксфорде. Красные звёзды в логотипах фирм, в названиях спортивных команд.

Да-с, оказывается под соусом «красной звезды» можно укрыть практически любой гарнир. Так что же ему теперь всего на свете бояться? Даже собственной тени?

Так. Закрываем Википедию. Что у нас дальше? А дальше у нас белградский футбольный клуб, какой-то салон, ресторан, фирма, сайт, страничка в Фейсбуке, военная награда в СССР, русская газета, книга какого-то опять-таки русского писателя, супергерой Вселенной DC Comics...

Господи! В общем — целая галактика красных звёзд.

Боб хотел было уже свернуть страницу, как тяжёлая рука Лелуша легла ему на плечо.

— Пойдите-ка, — прямо в ухо Роберу гаркнул инспектор. Всё это время он из-за спины каскадёра внимательно вглядывался в экран ноутбука. — Откройте-ка вот эту страничку.

Боб в очередной раз повиновался.

Клик.

На экране возник кусок текста из какой-то художественной книги.

Лелуш прочитал вслух:

— «Я так и подумал, когда прочёл об этом преступлении в ваших газетах. Красная звезда — его эмблема, вернее, его организации.

— А-а, так это целая банда?

— Её называют «банда двух тысяч».

— Их две тысячи?!

— Нет, просто этих мерзавцев интересуют дела, которые сулят не менее двух тысяч ливров стерлингов. Они величают себя «кавалерами Красной Звезды».

— Звучит достаточно пошло, как название бульварного романа.

— О! Зато преступники прекрасно организованы. — Инспектор невольно понизил голос. — Среди них люди самых разных

профессий: инженеры, клубмены, химики, клоуны, механики, врачи. Причем почти все они хорошие специалисты, есть даже ученые, которых общество отвергло по той или иной причине. Все эти деклассированные элементы, желая отомстить за свое унижение, объявили цивилизованному миру настоящую войну».

— Откуда это? — удивленно спросил Робер.

— Сейчас узнаем, — пробормотал Лелуш, посторонил Боба, лихо крутанул колесико «мышки». Знать, по роду деятельности привык держать в руках не только ручку, револьвер и рогалик с изюмом.

Через пару минут полицейский отлип от компьютера, самодовольно улыбнулся. Будь жив Фернандель, обзавидовался бы этому лучезарному оскалу.

— Вуаля! — тоном фокусника-иллюзиониста произнёс Лелуш. — Книга называется «Ледяной ад». А как вы думаете, кто автор?

— Кто? — не вытерпел Боб.

Помощник Лелуша промолчал. За всё время он не проронил ни единого слова. Немых что ли стали в полицию набирать?

Лелуш выдержал театральную паузу, — не полицейский — артист! — выдал:

— Луи Буссенар!

Немножко неудачи

15 часов 07 минут 41 секунда

XVI округ, дом Франсуа Робера, Париж, Франция

— Сразу предупреждаю, в ванную комнату лучше не заходить. — Лелуш многозначительно повел бровью и как бы случайно перекрыл узкий коридор своим мощным торсом. В этот раз он был один, без молчаливого сателлита.

Боб с трудом проглотил застрявший в горле тошнотворный ком, молча кивнул. В доме Деда — (*без Деда!*) — всё теперь казалось чужим и незнакомым.

— Итак, — сказал полицейский, указывая на пустующие книжные полки. — Вы утверждаете, что именно в этом шкафу находилась коллекция книг Луи Буссенара?

Боб снова кивнул.

— Хорошо. — Инспектор вновь продемонстрировал уморительный фокус с губой и носом. — Теперь нам осталось отыскать двух Вернов... О, первого я, кажется, уже нашёл. — Лелуш выудил из стройной книжной шеренги томик в потёртом кожаном переплёте. — «Таинственный остров». Не читал, но название

знакомое. Так, а кто у нас в соседях? Ого! Ещё несколько томов Жюль Верна. «Паровой дом», «Ледяной сфинкс», «Робур-Завоеватель», «Вокруг света за 80 дней», «Пятнадцатилетний капитан», «Матиас Шандор». Хм, затем сразу идут книги какого-то Майн Рида. Интересно кто это такой?

— Английский писатель девятнадцатого века, — сказал Боб. — Тоже писал приключенческие романы.

— Всё-то вы знаете, — хмыкнул Лелуш.

— Вам бы такого деда как у меня. Вы бы не только Майн Рида, но и Джека Лондона знали.

— Лондон? Тоже англичанин?

— Нет, американец.

— Странно. Хотя рикены любят давать своим городам названия европейских столиц. Поговаривают, у них даже Париж имеется — где-то в Техасе. Так в том Париже, я слышал, даже своя башня Эйфеля есть — только крохотная. Зато в ковбойской шляпе. Вот ведь умора... Впрочем, сейчас это не так важно. Нам бы этого, вашего... как там его? — Анри Верна отыскать... Ну-ка, кто тут у нас по левую руку от старины Жюль? Ха, не Анри. А некий Эмилио Сальгари. Макаронник что ли?

— Да, итальянец, — подтвердил правильность догадки инспектора Робер. — Кстати, при жизни Сальгари величали «итальянским Жюлем Верном».

— «Итальянским Верном», говорите? А может, на это и намекал ваш дед, когда говорил, что карта находится где-то между двух Вернов? Ведь других авторов по соседству с Жюлем Верном нет. Только Майн Рид и этот вот итальяшка: тоже вроде как Верн — только не настоящий.

— Это легко проверить — ищите карту.

Лелуш увлеченно засопел.

Однако сопение не помогло. Поиски не увенчались успехом. Ни между Верном и Ридом, ни между Сальгари и Верном никаких карт — ни географических, ни политических, ни даже игральных — обнаружить так и не удалось.

Лелуш шумно вздохнул:

— Значит, всё-таки нужно искать бельгийца. Вот что, а давайте поделимся: вы будете искать с правой стороны, я — с левой. Так дело пойдёт быстрее.

— Хорошо, — согласился Робер.

Соревнование по скоростному поиску книг Анри Верна началось.

Порядка на книжных полках в библиотеке Франсуа Робера было не больше, чем в квартире участника Сопротивления после обыска гестапо. Гомер был зажат между Стендалем и Сервантесом, Доде делил полку с Гейне и двумя Берроузами: Эдгаром и Уильямом, томики Хаггарда перемежали собрания сочинений Мишеля Зевако и Фёдора

Достоевского.

— Кстати, — обратился к каскадеру Лелуш, сноровисто шурша книгами, — у вашего деда были дела в России?

— В России? — удивился Робер, стараясь не отставать от полицейского. — Право, не знаю. Был у него один знакомый русский; только я не знаю, как его зовут. Дед ему как-то давно в Африке жизнь спас. Вот этот тот-то знакомый как раз и подарил деду собрание сочинений Буссенара на русском языке... А почему вы спрашиваете о России?

— Видите ли, мы проверили телефонные переговоры вашего деда за несколько дней перед исчезновением. Так из двадцати звонков двенадцать были сделаны им в Россию.

— Даже не знаю, что вам сказать, — пожал плечами Боб. — Дед редко посвящал меня в свои дела. Да и я, к своему стыду, особо не интересовался.

Книжное состязание продолжилось.

Первым к финишу пришёл каскадер. В третьем по счету шкафу от того, в котором стояли романы Жюль Верна, он наткнулся на несколько цветастых книжек издательства «Марабу» из цикла «Приключения Боба Морана». Обложки — одно загляденье! Яркие, броские, как порою пишут журналисты: кричащие. Джунгли, пустыни, бандиты, туземцы, схватки, погони, акулы, тигры,

динозавры и даже космические ракеты! А названия! «Дракон Фенстонов», «Белая горилла», «В дебрях Амазонии», «Жёлтая Тень», «В Бермудском треугольнике», «Кракен», «Ярость тигра», «Невидимый враг», «Корона Голконды», «Семь свинцовых крестов»... Приключения коль не в кубе, то в квадрате уж точно! Мечта любого мальчишки от десяти до шестнадцати. (Эх, Дед, Дед — вечный мальчишка).

Боб повертел в руках одну из книг о похождениях знаменитого тёзки, вздохнул. Да, жаль Кристоф Ганс отказался от идеи экранизировать цикл Анри Верна. Получился бы отличный французский ответ штатовскому Индиане Джонсу. И куда только наши режиссёры смотрят? Такой материал! Всё ждут, когда о Моране вспомнят за океаном, в Голливуде? Снял же мсье Спилберг мультфильм о Тентене. Что ему стоит выкупить права и на экранизацию романов о приключениях Морана? Как-никак Анри Верн — земляк Эрже. Одно зацепится неким непонятным образом за другое — и пошло-поехало. А мы опять пойдм в кинотеатры, и опять будем ворчать, что рикены как всегда всё переврали. А ведь не вчера сказано: хочешь сделать хорошо, сделай это сам. В смысле, сними.

Кстати, интерес к Морану оживился. Вон, в прошлом году выпустили новый комикс по

мотивам книг Анри Верна. А что, было бы здорово воплотить образ неутомимого авантюриста на большом экране. Робер давненько мечтал перебраться из лагеря каскадеров в стан актров. Удалось же это Джеки Чану, Сирилу Раффаэлли, Тони Джаа. Между прочим, и наметки кое-какие имеются. Да вот только героя цикла Анри Верна Роберу сыграть вряд ли удастся: внешностью не вышел. Командер Моран — рослый брюнет с серыми глазами, а вот Робер наоборот — светловолос, голубоглаз, невысок: даже на дублёра не потянет.

От кинематографических мыслей Робера отвлёл голос Лелуша:

— Нашли?

Боб кивнул, показал книгу.

— Ого, — воскликнул полицейский, — двумя шкафами правее! — Добавил с ехидцей: — Совсем рядом. Ваш дед дал очень точный ориентир. Это все равно как, назначая свидание барышне, сказать, что будете ждать её где-то между Триумфальной аркой и Лувром. Ха! Да между этими двумя Вернами — сотни четыре книг! Если не пять. И где же нам искать эту карту?

Поворчал, поворчал и... принялся выдвигать книги.

Книгу за книгой, ряд за рядом, шкаф за шкафом. И — ничего! Никакой карты.

Лелуш насупился.

— А ваш дед, случаем, не любил пошутить?

— Дед, конечно, был весёлый человек. Любил разного рода подколы и розыгрыши. Но не в данном же случае. Ситуация отнюдь не располагает к глупым шуткам.

— И, тем не менее, никакой карты здесь нет. А может быть в этой библиотеке имеются книги еще какого-нибудь Верна?

— Да вроде бы нет.

— А если мы не совсем правильно поняли вашего деда, и искать следует между двумя книгами *одного* Верна — Жюля, а не между двух Вернов — Жюля и Анри? Ну, например — карта лежит между романами «Дети капитана Гранта» и «Михаилом Строговым». Обе книги, насколько мне не изменяет память, написал Жюль Верн. Вот и получается: карта находится между двух Вернов. Или нет?

Робер оживился:

— Давайте проверим. С вариантами у нас всё одно не густо.

13

Отец и сын

16 часов 10 минут 12 секунд

Романы Жюль Верна занимали хоть и не целый шкаф (как книги того же Луи Буссенара), но несколько полок искателям карты пришлось-таки перелопатить. Тома — в бумажных, картонных, кожаных, коленкорových и даже в бархатных переплётax — извлекались из полок и придирчиво изучались: а не прилип ли каким неведомым образом к обложке заветный клочок бумаги (а быть может, папируса или пергамента)?

— Надо же, — удивлялся Лелуш, — сколько томов настроил мсье сочинитель. Я столько книг, наверное, и за всю жизнь не прочитал. А он их написал. И всё от руки, пером. Компьютеров-то тогда не было.

— Да, — согласился Боб, — титан!

— Уж лучше бы он был не столь титанист, — попытался пошутить полицейский. — Мы бы быстрее отыскали эту проклятую карту.

— А у Деда, заметьте, не полный набор. Только избранные романы Жюль Верна. Это же не Буссенар.

По отработанной уже схеме, Робер и Лелуш двигались навстречу друг другу. Встреча состоялась не на Эльбе, а на Дунае.

«Прекрасный жёлтый Дунай». Издательство «Gallimard», 2002 год.

Но и к галлимаровскому томику с бравым

рыбарем-усачом на обложке, увы, не приклеился никакой листок: ни бумажный, ни папирусный, ни пергаментный.

Расстроенный Лелуш покрутил в руках пёструю книжицу, почесал губою нос.

— Впервые слышу о таком романе у Верна.

— О нём вообще мало кто знает, — с видом знатока заметил Робер. — Как мне рассказывал Дед, рукопись романа обнаружили в архиве автора то ли в конце семидесятых, то ли в начале восьмидесятых. Но при этом в состав знаменитого цикла Жюль Верна «Необыкновенные путешествия» входит роман с практически таким же сюжетом!

— И как такое случилось? — скорее из вежливости, нежели из реального интереса спросил Лелуш.

Боб заложил руки за спину, стал похож на университетского профессора, докучающего студентам нудной лекцией.

— После смерти писателя, его сын Мишель Верн... — Молодой человек вдруг замолчал, задумался. Затем улыбнулся, громко щёлкнул пальцами: ну, хоть картину «Архимед через мгновение после открытия закона имени себя» с него пиши. Вместо знаменитого «Эврика» Робер воскликнул: — Мишель Верн!!!

— Что «Мишель Верн»? — не понял

полицейский.

Боб затараторил, словно какой-нибудь рэпер в парижской подворотне:

— Видите ли, после смерти Жюля Верна его сын Мишель стал дорабатывать, а порою и перерабатывать черновые наброски и недописанные рукописи отца. И всё это публиковалось... — да что там публиковалось, до сих пор публикуется! — за подписью Верна-старшего. А ведь многие вещи, по предположениям некоторых исследователей, Мишель весьма основательно переделал, чуть ли не заново написал.

— И что? — скорчил уморительную мину Лелуш.

— А то, — рубанул Боб. — Дедово «между двух Вернов» могло означать «между Жюлем и Мишелем». Ведь оба они — Верны!

— А где это: «между Жюлем и Мишелем»? — никак не мог сообразить недогадливый полицейский. — Поконкретнее бы.

— Сейчас. — Робер достал из кармана айфон, вошел в сеть, забарабанил по экрану. — Вот. После смерти Жюля Верна было выпущено ещё восемь романов из цикла «Необыкновенные путешествия»! Вы только вдумайтесь: целых восемь романов! И к каждому из них приложил руку сын писателя, Мишель. Вот названия этих книг: «Маяк на краю света» (издан в 1905-ом); «Золотой вулкан»

(опубликован год спустя); «Агентство Томпсон и К°» (увидел свет в 1907-ом); «В погоне за метеором» и «Дунайский лоцман» (оба изданы в 1908-м); «Кораблекрушение «Джонатана» (1909-й год); «Тайна Вильгельма Шторица» (1910-й); и, наконец — «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» (отдельным изданием книга выпущена лишь в 1919-м)... Ого! — Боб аж подпрыгнул. Прочитировал статью с какого-то литературного сайта: — «Роман «Агентство Томпсон и К°» полностью был написан сыном Жюль Верна (рукопись включает 528 листов, или 612 страниц, написанных Мишелем). До того как рукопись Мишеля стала широко известна, мнения исследователей разделялись: О. Дюма, Э. Маркуччи, К. Хеллинг, Ж. Гермонпре утверждали, что произведение полностью написано Сыном-Верном в 1906 году; другие считали, что автор — Отец-Верн, указывая на схожесть стиля текста с другими романами классика. Следует отметить, в бумагах, найденных после смерти писателя, не было и намёка на начатое или готовое произведение с подобным названием или с похожим содержанием. Тем не менее, много десятилетий автором романа считался Жюль Верн».

— Так-так-так-так-так-так-та-ак! — словно пулемет Гочкисс застрекотал оживившийся Лелуш. — Значит, роман «Агентство Томпсон и

К°» принадлежит перу Мишеля Верна! — Полицейский бросился к полкам, с утроенным азартом стал выдвигать-задвигать книги. Через минуту повернулся к Роберу, как бы извиняясь, пробурчал: — Такой книги здесь нет. Я три раз перепроверил. Может, в каком другом шкафу?

Боб задумался, отрицательно покачал головой. Снова застучал по экрану айфона, погрузился в чтение. Через некоторое время оживился, спросил:

— А книга «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» на полках имеется?

— Есть, — проверив, отрапортовал инспектор.

— Отлично, — залучился Робер. Опять разразился цитатой: — Слушайте. «Так как авторской рукописи романа найдено не было, принадлежность данного романа перу Жюль Верна почти сразу вызвала сомнение у читателей и исследователей. Мишель говорил, что воссоздал сюжет, основываясь на рукописях Жюль «Город в Сахаре» и «Ознакомительная поездка», а также на черновиках, набросках и личных беседах с отцом. У верноведов эта версия вызывает серьёзнейшие сомнения. Считается, что Мишель написал не менее половины романа, а Оливье Дюма утверждает: даже больше, а именно — весь текст кроме, пожалуй, первых пяти глав, для которых действительно можно отыскать параллели в «Ознакомительной

поездке». Вот так-то! Между прочим, Оливье Дюма — самый крутой в мире спец по Верну. Он лет тридцать возглавлял верновское общество. Кому-кому, а ему в этом вопросе можно доверять. Кстати, мой Дед был членом общества почитателей Жюля Верна. Он хорошо знал Дюма и разделял все его выводы о посмертных романах писателя.

— И всё-таки я не вполне понимаю, что это нам даёт?

— Как что? У нас же имеется эта книга!

— Книга-то имеется, — упавшим голосом произнес Лелуш. — Но вот только между нею и соседними... — прочитал: — «Флагом Родины» и «Школой Робинзонов» — никаких карт нет. Впрочем, в этом мы уже успели убедиться чуть ранее.

— А если подумать? — хитро подмигнул полицейскому каскадер.

— Как подумать?

— Головой... Если первые пять глав книги худо бедно написаны с учетом черновых набросков Жюля Верна, а оставшиеся — есть махровая самодеятельность Мишеля, то...

— Что?

— Значит, дедово «между двумя Вернами» находится как раз где-то между пятой и шестой главами романа «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака»! Естественно, примерно, и

предположительно. Открывайте книгу, проверим.
Открыли, проверили, убедились: карта есть!

14

Таинственная карта

16 часов 53 минуты 17 секунд

Совсем не так представлял себе Боб карту, ведущую к многомиллионным сокровищам. Абсолютно никакой таинственности и загадочности. Ни малейшего намека на древность и старину. Даже о конце девятнадцатого века, когда жил и работал этот самый Дедов Буссенар, говорить не приходилось. Положа руку на сердце, и двадцатым особо не пахло. Простая, сложенная вчетверо страница, вырванная из географического атласа, который можно купить в любом книжном магазине евро так за пятнадцать. В Дедовой библиотеке штук двадцать подобных атласов на самых разных языках: от русского до суахили. Робер-старший практически из каждой зарубежной поездки привозил по сборнику географических карт: коллекционировал.

Лелуш аккуратно развернул кусок мелованной бумаги — из складок карты, точно из разорванного конверта, выпал маленький ключик.

Боб среагировал молниеносно. Выбросил правую руку, подхватил ключ на лету. Недаром он так долго тренировался, чтобы повторить фирменный трюк Брюса Ли с монетой. Говорят, легендарный кинобоец успевал поменять монетку, лежащую на ладони собеседника до того, как тот успевал сжать кулак. Поменять монету у Боба, увы, ни разу не получилось, но вот забрать 50-тицентовый кругляш с ладони стоящего в полушаге оппонента он завсегда успевал.

Вот и теперь — реакция не подвела. Брюс Ли мог бы гордиться достойным учеником.

— И что всё это значит? — спросил молодой каскадёр, с удивлением разглядывая лежащий на ладони маленький блестящий ключик.

— Будем разбираться, — рассудительно сказал полицейский, внимательно изучая карту. — Насколько я понимаю, это Австралия.

— Она самая, — согласился Боб. — Но каким образом страна кенгуру связана с Буссенаром? И главное — что в карте делал этот ключ?

— Да-с, — поскрёб лысое темечко Лелуш. — Вопросов пока больше, чем ответов... А может, всё дело не в карте, а в ключе? Может, ваш дед просто взял да и завернул ключ в первую попавшуюся под руку бумагу? Ключ-то, как я погляжу, не простой — от банковской ячейки. Карта здесь особо не нужна — тем паче карта какой-то далекой

Австралии. Достаточно знать название банка да код доступа к ячейке.

— Ну, с этим как раз проблем нет, — сказал Робер и ткнул пальцем в угол карты.

Убористым дедовым почерком (Боб узнал бы его из тысячи; Дед — тот ещё минималист, как будто для бессоновских минипутов пишет) там было выведено:

«*Les lumières de Paris*»; 481334342188653 ».

— Соглашусь, — кивнул Лелуш, — скорее всего это и есть: название банка и код доступа. А ваш дед, я смотрю, тот ещё шифровальщик. Вон какой код забабахал. Сам Пенвен⁷ бы, ха-ха-ха, не расколочил.

— Да, Дед любил заковыристые штуки. И вот ещё одно тому подтверждение. Смотрите. — Боб указал на тонкую, начерченную от руки шариковой ручкой линию, пересекающую австралийский материк с севера на юг: от залива Карпентария до Мельбурна, или же наоборот: с юга на север — от Бассова пролива до Арафурского моря. С определенной, весьма, надо сказать, неравномерной периодичностью, эту линию, словно бусины нитку,

⁷ Жорж Жак Пенвен (1886–1980) — французский криптоаналитик. Во время Первой Мировой войны взломал германский шифр ADFGVX.

украшали маленькие кружочки — всего семь штук. Рядом с каждым — странные надписи, выведенные опять-таки Дедовой рукой (ну, или кем-то, кто желал во что бы то ни стало подделать почерк Деда). Возле самого нижнего — «char. III», далее — снизу вверх — по возрастающей: «char. IV», «char. V», «char. VI», «char. X», «char. XI», «char. XII».

— Чтобы это могло означать? — спросил Лелуш. — Почему отсчёт ведется не с единицы, ну, или там не с нуля? Да еще с такими пропусками. И что значит это странное «char»?

— Понятия не имею, — пожал плечами Боб. — Да что угодно: хоть «шляпа», хоть «капеллан», хоть «часовня»⁸ ... Причем видите, кружок возле надписи «char. XI» гораздо крупнее остальных. Может это как-то связано с сокровищами Буссенара?

— Вообще-то, насколько я знаю, на картах кладов ставят крестики. А не кружочки. Да и масштаб у подобных карт обычно совсем иной. А при таком масштабе, — вон, в одном сантиметре — сто пятьдесят километров! — получается, что этот

⁸ Во французском языке все эти слова начинаются на «char»: шляпа — chapeau, капеллан — chapelain, часовня — chapelle.

кружок покрывает территорию, примерно равную Парижу. Ха, разве ж реально на таком огромном пространстве отыскать какой бы то ни было клад? К тому же — отчего сокровища *французского* писателя следует искать в какой-то там Австралии? Нелогично. Поэтому моя версия, что листок из атласа служил всего лишь конвертом для ключа от банковской ячейки, мне кажется единственно разумной. По крайней мере, она объясняет всю эту мнимую загадочность... Ну, мало ли что там в атласе чертил ваш дед. Я, например, тоже любил в детстве разрисовывать карты.

— Так то ж в детстве.

— Что стар, что млад — всё едино, — отмахнулся Лелуш. — Разгадка, мне думается, проста. Ваш дед что-то там отыскал и для надёжности поместил это что-то в банк. Ключ и шифр он спрятал в книгу. Кто-то — пока нам, к сожалению, не известно кто — разузнал о находке вашего деда и... Ну, вы сами понимаете, на что способны некоторые субъекты, когда речь заходит о миллионах. Возможно злоумышленникам стало известно, что ключ и код ваш дед спрятал в одной из книг своей библиотеки. Вот только они не знали, в какой именно. Поэтому и утащили все книги Буссенара — что, в принципе, не лишено некоторой, пусть и странной, но логики. Ну, откуда, спрашивается, преступники могли знать, что ключ

спрятан между «двух Вернов», а не в томике того же Буссенара?

— Звучит логично, — согласился Робер. — Но всё-таки. Какой-то странный выбор для конверта, вам не кажется? А почему не газета, не чистый лист, не стандартный почтовый конверт, в конце-то концов?

— Откуда ж мне знать. Это ведь ваш дед. И, как я погляжу, тип он был весьма престранный.

— Да, с Дедом скучать не приходилось. Вот и теперь, не даёт затосковать, подкидывает задачки.

— Не велика задача, — махнул рукою полицейский, — сходить в банк, открыть сейф и забрать сокровища... этого, как там его?

— Буссенара.

— Вот-вот, Буссенара. Делов на два раза чихнуть.

— Вы думаете, всё будет так просто? Мне вот так возьмут и отдадут то, что находится в сейфе?

— А почему нет? У вас есть ключ, вы знаете код. В конце концов, вы, как я понимаю, являетесь единственным родственником покой... Франсуа Робера. И я думаю, в договоре с банком он указал именно вас как получателя посылки. К тому же с вами буду я. А звание полицейского во Франции кое-что да значит! Так что берите ключ, карту (на ней как-никак записан код) и едем в банк! Пора поставить в этом деле точку!

— Точку я поставлю, когда отыщу убийц деда, — глухо сказал Боб. — И разберусь с этой таинственной «красной звездой».

15

Посылка

18 часов 04 минуты 23 секунды

*XVI округ, банк «Les lumières de Paris», Париж,
Франция*

Робер ощущал себя киношным спецагентом. Каким-нибудь там Джейсоном Борном, например. Тот ведь тоже пришел в незнакомый банк с одним лишь паролем, и тоже не знал, что ждет его в банковском сейфе. В кино — в сейфе были деньги, документы и оружие. А что ждет Боба в реальности? Что спрятал в банковской ячейке Дед? Неужели он и взаправду отыскал какие-то там сокровища? Сокровища на несколько миллионов. Интересно, что это может быть (с виду ячейка не так уж и велика — примерно с кейс)? Драгоценные камни, старинные украшения? Какие-нибудь особо ценные археологические артефакты: копьё Судьбы, там, или чаша Грааля? А может там старинная картина? Какой-нибудь Рембрандт или, на худой конец, Дега. Ведь Дега, кажется, жил и творил

примерно в одно и то же время с Буссенаром. А вдруг как они были знакомы и...

Боб аж чертыхнулся про себя. Тьфу ты! Вы слишком много смотрите телевизор, милостивый государь. Жизнь — это вам не голливудский блокбастер с Николасом Кейджем, или Томом Хэнксом в главной роли. Не «Сокровище нации», не «Код да Винчи». И уж тем более не «Индиана Джонс». Ну, какие такие сокровища мог скрыть ото всего мира писателишка второго, если не третьего порядка? Впрочем, чего гадать, через минуту всё станет ясно...

Молчаливый, словно слуга Атоса, Гримо, служащий банка одарил Боба улыбкой, способной очаровать каждую седьмую домохозяйку по эту сторону Ла-Манша. Затем вставил ключ в замочную скважину, аккуратно провернул против часовой стрелки.

Крак, — щёлкнул замок.

Жестом, коему позавидовал бы церемониймейстер Букингемского дворца, закованный в броню достоинства, помноженного на холодную учтивость, банковский работник пригласил к сейфу Робера.

Боб с усердием прилежного школяра повторил все манипуляции местного специалиста: достал ключ, вставил, повернул.

Щёлк! Сейф открылся.

Робер извлек из ячейки кассету, оценил её вес. Ого! Килограмм плюс минус сотня грамм. Если внутри, допустим, драгоценные камни, то и вправду может потянуть на несколько миллионов! А если золото, то... Впрочем, хватить фантазировать. Надо всего лишь потерпеть. Каких-то несколько секунд. Пока Гримо с повадками графа де Ла Фер не оставит его одного.

Сотрудник банка проводил Боба в клиентский зал и вышел.

Робер аккуратно открыл кассету. Внутри увидел картонную коробку: в такие на почте посылки запаковывают. Вот те на: тара в таре. Прямо русская матрёшка.

Достал, потряс, ничего не услышал. Не брюлики — точно. А что?

Сейчас увидим.

Вскрыл, увидел, удивился.

Книга. Старинная толстенная книга. Этаким кирпич ин-кварти (термин Боб знал от Деда-библиофила), страниц так на 600–700. В красном переплёте с золотым тиснением и золотым же трёхсторонним обрезом. На обложке — джунгли и целый зоопарк: лев, носорог, змея и тигр в круглых рамках, точно фотографии родственников на стене, в спальне какой-нибудь помнящей президента де Голля матроны. Ну, и как положено, — название и имя автора: